

Эра Безумия.

Колыбель грёз

Валерия
Анненкова

Валерия Анненкова

Эра Безумия. Колыбель грёз

«Издательские решения»

Анненкова В.

Эра Безумия. Колыбель грёз / В. Анненкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904205-7

Нам не под силу остановить время или вернуть прошлое. Знал ли королевский прокурор де Вильере, утративший смысл жизни, что сможет возродить былое счастье? Какова цена этих перемен? В стремлении к своим грёзам необходимо сохранить баланс между развратом и любовью. Возможно ли это, когда пламя революции охватывает город? Способны какие-либо чувства сравниться с любовью смерти к человеку?

ISBN 978-5-44-904205-7

© Анненкова В.
© Издательские решения

Содержание

Время губит все...	6
Глава 1. Несчастливая женщина и ее дочь	7
Глава 2. Господин королевский прокурор	9
Глава 3. Молодой революционер	14
Глава 4. Во мраке ночи	17
Глава 5. Станный разговор	22
Глава 6. Встреча	26
Глава 7. Новость, облетевшая Париж	34
Глава 8. Ночь перед свадьбой	43
Глава 9. Роковой день	52
Глава 10. О том, до чего доводит ревность	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Эра Безумия. Колыбель грёз

Валерия Анненкова

*Этот роман я с благодарностью посвящаю моим родителям
и учителю русского языка и литературы. Большое спасибо
за привитую любовь к книгам!*

Благодарю всех, чья поддержка была для меня лучом света.

Дизайнер обложки Валерия Анненкова

© Валерия Анненкова, 2018

© Валерия Анненкова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-4205-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время губит все...

С годами тлен окутывает все, что мы считаем важным, ценным! Время губит все, что попадает на его пути, не оставляя ничего, кроме пищи для стервятников, роющихся в прошлом и отчаянно пытающихся изменить настоящее, повлиять на будущее. Но четко! Люди по собственной глупости стараются найти способ остановить его, не замечая, как оно пролетает, будто птица, оставляя всех позади. Время неумолимо, никто не может его остановить, оно летит незаметно, постепенно, по крупницам разрушая гранитные замки, заноса песком города, и убивая как великих, так и простых людей. Богатство, моральные ценности, идеалы, любовь – все это с годами меркнет, сгорая в беспощадном огне смерти и превращаясь в пепел.

Кроме времени есть то, что управляет им – смерть. Именно она решает, кому жить, а кому умереть, обращая все споры, страсти, мечты и надежды в прах, уподобляя их пустоте, в которой, если верить Библии, был сотворен мир. Но кем? Богом? А разве смерть не Бог и Дьявол в одном лице, ведь только ей подвластно все на свете, только перед ней повержено склоняются и короли, и жрецы, и воины, и рабы. Перед ней все равны, нет ни любимчиков, ни провинившихся, ни победителей, ни проигравших. Все со временем погибает, ощутив легкое, невесомое прикосновение пламенной руки смерти. Все меркнет в пустоте, оставляя после себя лишь едва заметные следы, называемые памятью. Смерть можно сравнить с вечной игрой, в которой человек, выигрывая, получает еще один шанс, а, проигрывая, исчезает навсегда. Самое главное: все люди на свете играют в нее, и каждый рано или поздно ошибается и проигрывает, исчезая безвозвратно во мраке бытия.

Время и смерть были до человека – будут и после. Они никогда не перестанут существовать, ибо если остановится что-то из них, то мир погибнет. Таков баланс в природе: время созидает и разрушает, а человек – только разрушает, вяло, глупо и подло. Причем люди сами это делают, добровольно, правда, иногда не замечая свои ошибки, превращающиеся в роковые. Человек сам губит себя, желая подняться как можно выше к солнцу, он не ощущает его жара и, обгорев, падает наземь мертвым и испепеленным.

Бессмертия, как такового нет, если лишь миг, который называется жизнью, и есть существование в веках, но чтобы добиться этого, человеку, как правило, приходится идти на многое. Ведь, чтобы жить, герой обязан умереть, иначе он просто исчезнет во тьме веков! Но бессмертие обретают отнюдь не многие, лишь те, кто готовы пойти ради этого на что угодно, рискнуть всем, что имеют, ради того, чтобы о них слагали песни. И, как правило, в историю входят только сами герои, а те, кто был рядом – забываются.

У времени и смерти есть свой вековой сценарий, по которому быль становится ярким воспоминанием, воспоминание – давним преданием, предание – красивой легендой, а легенда – незабвенным мифом...

Глава 1. Несчастливая женщина и ее дочь

Париж девятнадцатого века – прекрасный город! Но это только снаружи. Внутри это лишь город, окутанный мраком, в котором живут, впрочем, как и везде, ужасные люди, способные на самые низкие и жестокие поступки ради достижения своих целей. Способы выжить – самые различные, от воровства до убийства. А стоит ли удивляться? Человек – настолько гордое существо, что пойдет на любое преступление, только бы не встать на колени перед смертью.

Как же может выжить несчастная, потерявшая работу, тридцати шестилетняя женщина? Только опустившись на самый низ! Бедная Луиза! Павшая ниже своих принципов, переступившая через свою гордость, теперь она уже никогда не смогла бы жить как раньше, даже если бы ей это посчастливилось.

Но бедная Луиза, скорее всего, сделала такой тяжелый шаг не ради себя, а ради единственного любимого человека, оставшегося в ее жизни – ради дочери. Она была готова пойти на все, лишь бы не допустить подобного падения своей девочки. Она приходила к ней раз в неделю, стараясь проводить дома больше времени. Можно ли было назвать домом старую развалину на окраине города, доставшуюся Луизе от дальних родственников?

С каждым днем матери все труднее было возвращаться домой. Часто ей приходилось сталкиваться с осуждающим взглядом дочери. Она, очаровательный ангел, неспособный смириться с безысходностью нынешнего положения, свято верила, что был другой способ выжить. Наивная!

– Агнесса, – Луиза позвала девушку.

Недавно в их семье прибавился еще один голодный рот – племянник Луизы, десятилетний мальчишка Леруа. Около месяца назад его мать умерла от чахотки, оставив на попечение Луизы. Конечно, маленький беспризорник приносил не только одни неприятности, он помогал Агнессе, брал на себя некоторую работу по хозяйству. В свободное время этот ребенок предпочитал просто бегать по улице с другими мальчишками. Детство билось в его сердце, заставляло его жить.

– Да, матушка, – останавливаясь на лестнице, отозвалась девушка, – я не ожидала, что ты придешь сегодня так рано.

На ней было темно-красное приталенное платье с короткими рукавами. Ее темные волосы были прикрыты старым красным платком, который, очевидно, когда-то принадлежал самой Луизе.

– Я соскучилась, – подойдя ближе, женщина обняла дочь, – три дня не видела тебя, девочка моя!

– Матушка... – смущенно улыбаясь, прошептала она.

Эта девушка, действительно, была очень красива, настолько прекрасна, что сама Афродита могла бы позавидовать ей. Черные волосы густыми волнами спускались вдоль лопаток, доставая до тонкой талии. Губы алели на фоне немного бледной кожи, подобно упавшим

на снег лепесткам нежной розы. Какой добротой светились ее ярко-зеленые глаза, окруженные пушистыми темными ресницами! Для восемнадцати лет она была слишком хорошо сложена: не требовался даже корсет.

Больше всего Луиза боялась того, что с каждым днем ее дочь расцветала, подобно белой лилии. Она знала: рано или поздно, это не привило бы ни к чему хорошему. Доброта и детская наивность девушки заставляла женщину все чаще тревожиться о том, что это доверчивое невинное создание может когда-нибудь попасть в сети обольстительных речей хитрого мужчины, на уме у которого будет лишь разврат. И что тогда? Ее дочь так же, как и она, погубит собственную молодость, отдаст ее похоти.

Предпочитая не думать об этом ужасном будущем, Луиза надеялась, что жестокий рок обойдет ее девочку стороной. Сейчас она сидела с дочерью рядом, наблюдая, как та плетет корзину. «Пусть уж лучше так зарабатывает, чем ложится в постель с первым встречным» – думала Луиза.

Недолго погостив у дочери, женщина решила, что пора оставить ее и отправиться на «заработки». Девушка попыталась очередной раз отговорить мать от этого низкого занятия, но ничего не вышло. Обреченно улыбнувшись, женщина обняла дочь, на прощание тихо сказала:

– Глупая моя девочка, это для твоего же блага...

Больше перечить Агнесса не стала и проводила мать до угла улицы. Она хотела верить, что так будет продолжаться вечно.

Глава 2. Господин королевский прокурор

Если больше рассказывать о Леруа, то его можно смело назвать самым настоящим сорванцом. Если пришлось бы охарактеризовать его двумя словами, описав внешность, характер и убеждения, то, скорее всего, для этого подошли бы слова «белокурый» и «чертенок». И хотя, по мнению многих, маленький десятилетний светловолосый мальчишка с большими голубыми глазами, милым личиком, должен иметь просто ангельский характер, это было совсем не так!

Это милейшее существо на самом деле имело очень крутой нрав, который никогда не сдерживался. Среди других мальчишек, Леруа отличался особой смелостью и дерзостью. Внешне он тоже выделялся среди других детей, этот мальчик, не смотря на свои десять лет, выглядел старше года на два; у него были светло-голубые стеклянные глаза, в которых часто отражались людские беды и несчастья, из-за этого он и был не по годам смекалист. Это был ребенок, который с самого детства рос в бедности. Отец его погиб, будучи солдатом, а мать совсем недавно умерла от чахотки. Так он попал в дом своей тети Луизы, где тоже жили не очень-то богато.

Надеюсь, вы не решили, что это был злой ребенок, считающий весь мир своим врагом? Несмотря на все трудности, которые он пережил вместе с больной матерью, Леруа не утратил того редкого чувства, которое несвойственно многим взрослым. Он не утратил жизнерадостность. Это был мальчишка, всегда готовый помочь кому-либо, не требуя ничего взамен.

И сейчас этот милый мальчишка сидел в кабинете господина Виктора де Вильере, главного королевского прокурора Франции. Вы, верно, спросите, за что маленький ребенок мог попасть в это место. Да, особо не за что. Несчастный мальчишка завел себе новых знакомых, студентов, каковых можно отнести к счастливым романтикам, мечтающим изменить мир. И вдруг в местечко, в котором они проводили очередное собрание, ворвались солдаты во главе с инспектором Ришаром. Как несправедлив мир. Всем студентам удалось сбежать, а вот Леруа попался...

Господин прокурор, конечно, не верил, что к революции может быть причастен мальчишка, но выхода не оставалось. Узнав, по какому адресу проживает маленький бунтарь, прокурор приказал инспектору привести кого-нибудь из родственников сорванца. Прежде, чем Ришар выполнил сие поручение, прошел час. Все это время мальчишка сидел за большим деревянным столом напротив прокурора, наблюдая, как тот разбирает какие-то документы.

Это был мужчина тридцати восьми лет с короткими темно-коричневыми зачесанными назад и немного вьющимися по бокам волосами. Ребенок внимательно изучал этого человека. Статная высокая фигура, облаченная в черный фрак, подобно призраку, возвышалась над столом. Он медленно перемещался по кабинету, раскладывал документы. Сидя за столом и перебирая важные бумаги, королевский прокурор лишь иногда исподлобья поглядывал на мальчишку серыми, словно сталь, строгими глазами. С такого ракурса нос де Вильере казался более узким и длинным, чем был на самом деле.

Недолго посмотрев на ребенка, мужчина, тяжело вздохнув и покачав головой, опять начал читать документы. Это немного настораживало мальчика, покорно ожидавшего прихода Луизы. Леруа начал смотреть по сторонам, изучая кабинет. Помещение было просторным,

возле окна находился стол, за которым сидел прокурор. За спиной представителя власти, возле стены стояли три больших шкафа с книгами, а в противоположной стороне – небольшой черный диван. Стены были темного цвета, из-за чего кабинет казался несколько мрачным, даже солнечный свет, проникающий через окна, не мог осветить все углы помещения.

Потом Леруа начал рассматривать сам стол, возле которого он сидел. На столе лежали две стопки каких-то бумаг, белые перчатки, рядом находилась настольная лампа, перо и чернила. Вскоре в кабинете закончились все предметы, которые только можно было зрительно изучить, и мальчик перестал крутиться, уставившись в пол. Де Вильере, заметив это, улыбнулся.

Вдруг в дверь постучали, будто специально отвлекая прокурора от работы. Леруа резко поднял голову в надежде, что его вот-вот отпустят.

– Войдите! – распорядился де Вильере.

– Господин прокурор, – в кабинет зашел Ришар, – как вы и просили, я привел опекуна этого сорванца.

Инспектор указал на Леруа, мальчишка скорчил недовольную гримасу, делая вид, что обижен. Прокурор грозно взглянул на Ришара, и тем самым заставил его опустить голову, как провинившегося ребенка. Затем де Вильере жестом приказал выпустить опекуна мальчика. Беспризорник ожидал увидеть Луизу, но вместо нее в кабинет вошла Агнесса.

Девушка была в том же темно-красном платье, что и утром, когда к ней пришла Луиза. Только теперь ее черные волосы не были прикрыты платком, а аккуратно свисали с ее узких плеч. Она скромно остановилась возле двери, разочарованно взглянув на Леруа. Де Вильере приказал Ришару уйти.

– Мадемуазель, – тихо обратился он к Агнессе, – прошу вас, проходите, садитесь на диван.

Она, кивнув, села. Прокурор почти минуту стоял, замерев на месте, как камень и, не отрываясь, смотрел на девушку. Ее появление в кабинете напоминало долгожданный восход солнца после долгого дождливого утра. Внутри сердце его бешено билось. Сколько за свою жизнь он встречал красавиц, но настолько прекрасное создание ему довелось видеть впервые; черты ее лица были настолько аккуратны, что, казались высеченными из редчайшего камня каким-то мастером, хрупкое телосложение придавало ей некую легкость в движениях, даже в обычном поднятии руки. Он любовался ее зелеными околдовывающими глазами, алыми манящими губами и черными волосами, слегка скрывающими красивую шею. Потом его взгляд опустился на медленно вздымающуюся от каждого вздоха грудь, скрытую под красной тканью платья.

– Мадемуазель, – опомнившись, продолжил прокурор, – этот ребенок – ваш брат?

– Двоюродный. – Уточнила Агнесса.

Приятный нежный голос девушки еще сильнее околдовал де Вильере. Он присел рядом с ней и продолжил допрос. Мальчишка все это время сидел возле стола и наблюдал за их раз-

говором. Он опасался резкого изменения в поведении королевского прокурора, особенно в его суровом взгляде.

– Леруа, подожди, пожалуйста, за дверью, пока я поговорю с твоей сестрой. – Приказал де Вильере.

– Но, я... – мальчик боялся оставлять Агнессу наедине с заинтересовавшимся ею мужчиной.

– Никаких «но»! – представитель власти повысил голос. Было что-то завораживающее в хрипловатой нотке, прорезавшей уверенный тон. – Выйди и подожди!

Ребенок перевел растерянный взгляд на сестру, надеясь, что она сама заметила странное поведение де Вильере. Но, похоже, Агнесса просто не обратила должного внимания на заинтересованность королевского прокурора. Мальчишке ничего не оставалось, как согласиться и выйти из кабинета. Как его раздражала эта святая наивность сестры, не замечающей очевидных развратных искорок во взоре мужчины.

Девушка устремила свой взор на господина де Вильере. Он, собравшись с мыслями, подсел к ней ближе и тихо произнес:

– Мадемуазель, я представляю, как вам сложно уследить за таким сорванцом. Но все же вы поговорите с ним, ведь если он и дальше будет продолжать общаться со своими друзьями, то мы будем вынуждены принять меры...

Сказав это, мужчина остановился, посмотрев в глаза Агнессы и легонько коснувшись крепкой рукой ее нежной ладони. Она побледнела, как только эти слова коснулись кончиков ее ушей, словно это не представитель власти, а смерть притронулась к ней. Красавица с надеждой и мольбой смотрела в глаза де Вильере, будто это могло что-то изменить в судьбе мальчишки. Нет, это способствовало совсем другому повороту событий, а именно – возрождению большого соблазна, постепенно сковывающего разум Виктора. В мысли королевского прокурора впуталась странная и коварная идея узнать все об этой юной особе с таким прекрасным личиком и по-детски чистым взглядом.

Агнесса боялась представить себе ту жуткую картину, когда у них с Луизой отберут Леруа и отправят за решетку или на виселицу. За время, которое ребенок жил с ней, девушка успела привязаться к мальчишке и, в конце концов, ей просто было приятно заботиться об этом маленьком вредном создании, вечно ищущем приключения. Поэтому она не хотела даже думать о том, что могло произойти, если бы де Вильере принял более строгое решение.

– Но вы так не пугайтесь, – прокурор слегка сжал ее руку, – я надеюсь, он вас послушает.

– Большое спасибо. Я поговорю с ним...

Она встала и отошла к двери, немного растерянным видом давая понять, что торопится. Де Вильере на прощание поцеловал ее руку, скользнув сухими губами по шелковой коже. На щеках красавицы выступил легкий румянец, который не остался незамеченным мужчиной. Это оказалась лишь самая незначительная обольстительная игра, в которую королевский прокурор обычно завлекал столь очаровательных девушек, как Агнесса. На лице де Вильере про-

бежала легкая улыбка, он хотел остановить ее, удержать еще хотя бы на пару минут в своем кабинете. Но красавица, будто привидение, в следующее мгновение уже выскользнула из кабинета и разбила все надежды представителя власти.

Девушка с мальчишкой отправились домой.

– Ты же не расскажешь об этом тетушке? – спросил Леруа, умоляюще посмотрев на сестру.

– Нет, – ответила Агнесса, когда тяжелый вздох вырвался из ее груди, – тем более ей и так не до этого.

По дороге домой ни Агнесса, ни Леруа даже не подозревали, что за ними следили. Они просто не обращали внимания на некую тень, идущую вслед за ними. Девушка всю дорогу молчала, иногда устало поглядывая на мальчишку. Сорванец, осознавая, что дома с ним будет вестись серьезный разговор касаясь его дружбы с будущими революционерами. И хотя, Леруа считал действия своих друзей правильными и не осуждал студентов, а наоборот – хотел чаще встречаться с ними, он понимал, что революция – не игра, а страшное явление, порожденное народным негодованием. Для него бунт был неким занятием, которое объединяло людей самых разных слоев. Ведь на момент революции все становились равными, каждый был королем.

Наконец они дошли до дома. Агнесса отперла ключом дверь и зашла вместе с Леруа. Девушка направилась в свою спальню, чтобы сплести новую корзину, а брат проследовал за ней. Мальчишка встал в дверях, ожидая, когда сестра заговорит. Она села на стул возле окна и, взяв в руки солому, начала аккуратно сплести ее.

– Леруа, – тихо произнесла девушка, – что ты там делал?

– Я просто... – мальчик опустил голову. – Просто они мои друзья...

– Леруа, – она посмотрела на него глазами, наполненными печалью, – это не шутки. А если бы с тобой что-то случилось? Пообещай мне, что больше господин де Вильере не будет жаловаться на тебя.

– Обещаю.

Голос мальчишки звучал настолько грустно, что даже самый черствый человек на земле мог бы пустить слезу. Агнесса подошла к брату, упала на колени и обняла его, прижав к себе. Теперь Леруа надеялся только на то, что вскоре все забудут об этом случае и он вновь сможет общаться со студентами.

А тем временем, тень, преследовавшая девушку и ее брата, стояла на углу дома, всматриваясь в окно и надеясь увидеть в нем красавицу. Призраком, наблюдающим за ней, был инспектор полиции, Ришар, который не по своей воле шел за ними. Он сам не понимал, зачем делал это, что заставляло его без остановки следовать за этой девушкой.

Инспектору Ришару было тридцать два. Это был человек высокого роста, не намного выше де Вильере. Короткие темные волосы он все время прятал под треуголкой. Не привле-

кало внимание и его лицо, нижняя часть которого была прикрыта редкой короткой бородой. Несмотря на возраст, на висках инспектора уже проступала седина.

Единственной чертой, отличающей его от остальных мужчин, была его верность закону. Он жил им. Можно сказать, был из тех людей, помешанных на порядке, каковые обычно сходят с ума из-за своей правильности.

Сейчас этот человек с ледяным сердцем стоял и наблюдал, как девушка, сидя у окна, плела корзину. Он глядел на нее, словно околдованный, не в силах оторваться от этого зрелища: красивые руки ловкими движениями сплетали солому. Сколько грации можно было заметить в ее движениях. Агнесса, увлеченная своим занятием, даже и не смотрела в окно, под которым стоял инспектор.

Еще недолго полюбовавшись, Ришар, тяжело вздохнул и направился в сторону Собора Парижской Богоматери. Будучи глубоко верующим человеком, господин инспектор часто посещал церковь, в свободное от службы время.

Но сейчас его мысли занимала не молитва, а Агнесса. Что-то привлекало его в этой девушке, он следовал за ней, словно привязанный какой-то невидимой нитью. Что творилось в его голове на тот момент? Похоже, инспектор сам этого не замечал, он просто бездумно брел по улице. На что он смотрел тогда? На тонкий силуэт девушки, идущей на достаточно большом расстоянии от него. Чего он боялся тогда? Потерять ее из виду.

Что же происходило внутри каменного сердца Ришара? Наверное, он сам не мог дать себе объяснение, что это было, то ли какой-то огонь страсти, внезапно вспыхнувшей в его груди, то ли другое, более развратное желание.

Глава 3. Молодой революционер

Прошло три дня, которые для некоторых наших героев пролетели, как три часа. Все это время Леруа не попадался на глаза, ни Ришару, ни де Вильере, никому, даже Агнессе. Столь неожиданное исчезновение мальчишки не могло не тревожить его сестру. Конечно же, девушка могла предполагать, что с ним ничего не случится, ведь этот ребенок сам был в некотором роде ходячим несчастьем. И все равно, что-то не давало ей покоя.

Наш маленький герой сейчас находился в обществе своих друзей – студентов, будущих революционеров. Среди них особо выделялся лишь один – Андре. Этот молодой человек обладал самыми настоящими ангельскими чертами лица; белокурыми выщипанными волосами, светло-голубыми, как осколочки льда, сияющими глазами и бескровными губами. Его лицо иногда покрывалось бледностью, дарующей ему облик столь мрачный, что едва ли можно было отличить его от мертвого ангела. Алая рубашка, не единожды обласканная теплым летним ветром, ярким пятном горела на фоне кожи молодого человека.

Несмотря на еще юный возраст – двадцать лет, Андре имел смелые политические убеждения, которые впоследствии могли привести его на эшафот. Дитя республики – вот его второе имя! Молодой человек, мечтающий и старающийся изменить мир при помощи грандиозного восстания. Неизвестно точно, почему он решил стать лидером очередной революции. Было ли это эхом детства или же просто плодом несбыточных грёз? Ни Леруа, ни кто-либо еще не мог ответить на этот вопрос. Возможно, даже сам Андре, ослепленный великой целью, забыл, что привело к ней. Слишком часто люди, забываясь, слепо идут навстречу своим мечтам, не замечая, как порою губят тех, кто им дороже всего...

Неумение и нежелание прислушаться к мнению других сковывало Андре, вгрызалось в разум. Он свято верил, что единственным путем для несчастного народа может быть лишь восстание. Иное развитие событий он не мог представить. Сложно смотреть на что-либо трезво, когда с каждым днем все больше и больше замечаешь бессмысленную гибель людей. Смерть в тени тирании, матери войны. Что остается народу, когда власть и правительство просто не оставляют им шансов на выживание? К чему все это ведет? К краху.

– Решено, – сказал Андре, сжимая в руках алый флаг, – в ближайшее время наша песня свободы поглотит звон пустых клятв пэров. Она гимном вознесется до небес!

Все поддержали товарища восторженными криками «Ура» и «Да здравствует свобода». Андре, попрощавшись со своими товарищами, отправился домой. В его воображении рождались картины грандиозной битвы и их триумфа над поверженным монархом и его сторонниками. Он представлял, как поднимает алый флаг возле королевского дворца, как отправляет побежденного правителя и представителей власти в почетную ссылку. Как сладки эти мечты, как опьяняюще они кружили голову!

Леруа проследовал за ним. Мальчишка предчувствовал, что надвигается буря, которую будет очень трудно, практически невозможно унять. А что станет с тетей Луизой или с Агнессой, если он погибнет? А вдруг кто-нибудь посягнет на честь его прекрасной сестры? Что тогда? Эта мысль пугала малыша Леруа, заставляя вздрагивать от каждого воспоминания о ней.

Сейчас он хотел одного, любым способом свести Агнессу с Андре. Почему именно с ним? Мальчишка доверял этому студенту, надеясь, что если тот уцелеет после революции, то обязательно женится на его сестре. Леруа верил, что его друг не сделает ничего плохого Агнессе, а наоборот полюбит всем своим горячим сердцем.

Вот мальчик бежал вслед за студентом, боясь его окликнуть. А что будет, если он догонит Андре? Что он скажет ему? И самое главное, как он сможет заставить двух людей полюбить друг друга?

– Андре, стой! – закричал Леруа.

Студент обернулся. На улице уже темнело, и солнце вот-вот должно было зайти за горизонт. Высокие дома бросали мрачные тени на улицы, не позволяя последним дневным лучам осветить мальчика. Андре сверкнул глазами, внимательно уставившись на маленькую таинственную фигурку. Присмотревшись, он узнал того самого мальчишку, который совсем недавно стал его другом.

– Леруа, ты ли это?

– Ну, конечно, я! – мальчик подбежал ближе к студенту. – Мне нужно с тобою поговорить.

– Ну, давай, поговорим.

Он взял мальчишку за руку, и они пошли в сторону дома Андре. Милое детское сердце таянулось к белокурому ангелу. Леруа долго не молчал, и спустя минуту начал свой «допрос»:

– Андре, ты мне друг?

– Да.

– Мне неловко... я не знаю, как попросить тебя... – мальчик шоркал ножкой по прожженному безжалостным солнцем песку. Он хотел попросить его об одном одолжении. Хотел, но боялся. – Помоги мне, пожалуйста! Поклянись, что поможешь. – В его глазах загорелся тусклый огонек надежды, который в любой момент мог потухнуть и, возможно, никогда больше не воскреснуть.

– Клянусь! – В голове студента перемешались все мысли. – А о чем ты хотел попросить меня?

– Понимаешь, – начал Леруа, – у меня есть двоюродная сестра. Она очень красивая, настолько, что я боюсь за нее. И совсем недавно я столкнулся с одной серьезной неприятностью – ею заинтересовался наш главный прокурор. Ну, помнишь, де Вильере?

– А отчего же не помнить? – Андре прокручивал в своей голове все воспоминания, связанные с господином прокурором. – Помню... очень мрачная фигура.

– Ну, так вот, – продолжил мальчик, – я боюсь, что он или кто-нибудь другой посмеет сотворить что-то с моей сестрой. Пожалуйста, влюби ее в себя!

– Как же я это сделаю? – студент изумленно посмотрел на Леруа.

– Андре, в тебя столько девушек влюблено, – мальчик закатил глаза, – умоляю, помоги мне.

Еще какое-то время молодой человек пытался отказаться от этой идеи. Но Леруа сумел убедить его, что так будет лучше, и он об этом не пожалеет. Они договорились, что завтра мальчишка познакомит его с Агнессой. Довольный ребенок с хитрой улыбкой, красовавшейся на его личике, отправился домой, а студент решил зайти по пути в таверну.

Глава 4. Во мраке ночи

Темная вуаль ночи накрыла Париж. Погода была ясной, на небе не было ни единого облачка. Какая-то мрачная тишина окутывала город. Если хорошенько прислушаться, можно было услышать только унылое завывание ветра или звонкий лай собак. На темно-синем небе, словно маленькие алмазы, сверкали звезды. Вскоре явилась луна во всей своей красе, она серебряным диском возвышалась над крышами домов. Казалось, весь город уснул.

Господин де Вильере нервно расхаживал по своему кабинету. Вот уже третью ночь он не мог уснуть, и дабы занять себя чем-нибудь допоздна задерживался на службе. Что же не давало покоя королевскому прокурору? Призрак. Призрак хрупкой мечты, которой, судя по всему, не суждено сбыться. Этой мечтой была Агнесса. Вот уже третьи сутки ее прекрасный образ не выходил из головы представителя власти. Уже третью ночь, как только тьма опускалась на землю, де Вильере видел перед собой эту девушку, ее черные волосы, прекрасное личико и тонкую талию...

Его все больше затягивали грешные сны, впитывающиеся в сознание, словно горячие капли воды, что застывают на губах страдающего от неутолимой жажды человека. Он видел ее перед собой, такую беззащитную и очаровательную. В коварном царстве Морфея прокурор забывался, наслаждаясь теми сладострастными сценами, о которых грезил. Белоснежную девичью кожу усыпало золото горевших возле постели свечей. На изящных плечиках, на нежных ключицах багровели следы жадных поцелуев. Его руки крепко обвивали спину девушки, прижимая ее ближе, не позволяя отстраниться. Желание владеть ею, наслаждаться ее беспомощностью душило де Вильере. Его губы исследовали каждый сантиметр тела Агнессы, оставляя местами новые следы укусов. Он заставлял ее желать большего. Крохотные пятнышки запекшейся под кожей крови горели на ребрах. От его прикосновений твердели две нежные темные бусинки, венчавшие юную грудь. Он слышал, как бешено колотилось ее сердце. Только для него оно стучало. Располагаясь между осторожно разведенных стройных ножек, прокурор скоро пробегал глазами по телу, отданному ему на растерзание...

Эти сны стали его проклятием. Прокурор так хотел схватить ее за руку и, прижав к себе, впиться в ее алые губы страстным поцелуем. Как же де Вильере мечтал об этом драгоценном мгновении, которое он бы счел подарком богов. Но это была лишь его фантазия. Лишь капля сладкого яда, отравляющего жизнь.

Дразнящая надежда, хотя бы раз прикоснуться к Агнессе, захватывала его разум. Более всего ему хотелось, чтобы она сама отдавалась ему, молила о продолжении. Де Вильере преследовал только одну цель – заставить девушку желать его с любовью, еще такой наивной и нежной, какую только могло излучать слепое девичье сердце.

Де Вильере стоял у окна, смотря на ночное небо, его лицо заливал бледный свет луны. Скручивая в руках белые перчатки, он тихо шептал столь полюбившиеся имя «Агнесса». Каждый раз, когда прокурор произносил это имя, его сердце начинало биться сильнее. Вдруг в кабинет вошел инспектор Ришар.

– Господин де Вильере, – обратился полицейский, – вы вызывали меня?

– Да, – он повернулся лицом к инспектору, – я хотел, чтобы вы нашли мать той девушки, что приходила ко мне три дня назад.

– Если вы имеете в виду Агнессу, то я знаю, кто ее мать и где ее можно найти... – Ришар слегка опустил голову.

– Замечательно, – лицо де Вильере было каменным, – тогда отведите меня к ней. Сейчас же!

Инспектор не успел ничего сказать, как прокурор стремительно вышел из кабинета. Сейчас он очень хотел узнать как можно больше об Агнесе, все, что только можно. Де Вильере желал знать все ее тайны, все мечты и какие-либо грехи. Хотя, последнего у девушки просто не было. Она не убивала, не крада и ничего не знала о том, какое блаженство может подарить одна ночь, проведенная с мужчиной. Это, действительно, было непорочное создание, которое столь сильно желал господин прокурор.

Ришар не понимал, почему это де Вильере вдруг заинтересовался Агнесой и ее матерью, но приказ есть приказ. Инспектору пришлось отвести королевского прокурора туда, где можно было встретить Луизу. Полицейский не любил разгуливать в подобных местах ночью, но отказать де Вильере он просто не имел права.

Этим местом была одна из улиц Парижа. Мрачное и скверное местечко, кишашее отбросами общества, которые как клубок жалких червей, боролись за выживание. Это было настолько грязное место, что даже чистый лунный свет не мог его осветить. Здесь находился публичный дом, в котором и «работала» Луиза.

Ришар, остановившись у входа, умоляюще посмотрел на де Вильере, будто просил его уйти отсюда пока не поздно. Прокурор бросил на полицейского строгий взгляд.

– Мы пришли, господин де Вильере. – Инспектор судорожно сглотнул и постучал в дверь.

Открыла полноватая женщина лет сорока, являющаяся хозяйкой заведения. Лицемерная улыбка и рыжие грязные волосы, приведенные в беспорядок, уподобляли ее кровожадной адской фурии. Она, любезно улыбаясь, пропустила мужчин вперед. Из соседних комнат вышли четыре молодых девицы и начали медленно окружать представителей власти.

– Заходите, заходите, – сказала женщина, осматривая их с головы до ног, – господа, чем могу услужить?

– Мы хотели бы видеть Луизу. – Ответил Ришар.

– Только видеть? – гадкая усмешка пробежала на ее лице.

Де Вильере осматривал помещение, которое с виду ни чем не отличалась от обычного кабака; зашарпанный деревянный пол, грязно-зеленые стены, несколько столов и лестница, ведущая на второй этаж. Потом его взгляд пал на девушек, стоявших рядом и с притворным влечением смотревших на него. Две из них были брюнетки, а другие две – блондинки. Ни чем примечательным они не обладали; слишком яркий макияж, которым они, очевидно, старались скрыть синяки под глазами, свойственные блудницам, вызывающие платья и хитрые взгляды.

Как же часто он встречал таких девиц, павших до подобного позора. А ведь, когда-то они были такими же невинными и чистыми как Агнесса. Почему это он вспомнил о ней? Похоже, она никогда не выходит из его головы. И сейчас, когда де Вильере смотрел на этих блудниц, готовых отдаться за пару монет, он невольно представил на мгновение, что Агнесса тоже пала до такого. Ужас, охвативший его, нельзя было передать словами...

– Господин де Вильере, – отвлек его Ришар, – Луиза на втором этаже. Позвольте, я провожу вас к ней.

Они поднялись по лестнице. Инспектор подвел прокурора к нужной комнате, постучав в дверь. Теперь прокурор переживал еще больше, ведь если мать Агнессы занимается проституцией, то велика вероятность, что рано или поздно она докатится до этого. Внутри что-то до боли сжалось, заставив его закусить губу.

Вскоре дверь в комнату открылась. Де Вильере зашел, а Ришар остался в коридоре, надеясь, что прокурор скоро вернется. Помещение освещалось лишь одной свечой, стоящей на столе возле окна, где сидела женщина и смотрелась в зеркало, не обращая внимания на вошедшего мужчину. Де Вильере медленными шагами приблизился к ней. Она повернулась, посмотрев на него красными глазами, в которых читалась усталость. Прокурор остановился, внимательно всматриваясь в ее лицо, которое было сложно рассмотреть из-за плохого освещения. Женщина слегка наклонила голову в сторону свечи, исподлобья взглянув на де Вильере. Теперь он видел ее лицо – отражение голода и бедности; коротко стриженные темные волосы, мешки под глазами, маленький узкий нос, бескровные искусанные губы и слишком бледная кожа.

– Проходите, господин... – хрипло произнесла она.

Луиза встала со стула и окинула его оценивающим взглядом. Прокурор сделал еще пару шагов вперед и вновь остановился. Он обратил внимание на ее платье, темно-фиолетовое, с короткими рукавами и достаточно откровенным вырезом на груди. Но даже сие одеяние не уподобляло эту женщину тем блудницам, что еще несколько минут назад окружали де Вильере. В ее глазах еще можно было заметить тень стыда.

Она, тяжело вздохнув, подошла к прокурору и начала расстегивать пуговицы на его фраке. Голова Луиза была опущена, будто она боялась заглянуть в глаза мужчины. Он схватил ее руки и, не сильно сжав, произнес:

– Мадам, я пришел к вам не за этим.

Эта фраза заставила ее остановиться и с недоумением посмотреть на де Вильере. Женщина почти минуту стояла и глядела в его глаза, желая понять, зачем тогда он пришел. Прокурор отстранился, застегнув фрак, подошел к высокому окну и лицом к холодному стеклу, которое вмиг запотело от его горячего дыхания.

Де Вильере смотрел на уличный фонарь, на единственный источник света напротив борделя. Больше на улице ничего и никого не было, ни людей, ни бездомных животных. Какая мрачная картина: пустынное место, залитое тусклым светом фонаря. Стоя у окна, прокурор чувствовал на себе пронзительный взгляд Луизы.

– Месье, – ее голос приглушенным эхом звенел в голове мужчины, – зачем вы тогда пришли ко мне?

А, действительно, зачем? Ведь его интересовала ночь не с Луизой, а с ее прекрасной дочерью. Казалось, де Вильере сам не отдавал себе отчет, зачем пришел к ней. Он знал только то, что любой ценой должен заполучить Агнессу.

– Мадам, – прокурор присел на край кровати, – я хотел поговорить о вашей дочери.

Он замолчал, не решившись продолжить свою речь. Женщина услышала упоминание о доверии и встревожено посмотрела на него. Она села на стул, напротив прокурора. Почему этот человек пришел к ней, чтобы поговорить об Агнессе? Откуда он знает ее дочь? И самое главное, что он хочет узнать о ней?

– Мадам, – продолжил де Вильере, – я хотел бы предложить вам одну маленькую сделку. Я заплачу вам. Достаточно заплачу, чтобы вы смогли навеки забыть об этом позоре. Вы взамен просто отдадите мне Агнессу.

На несколько минут в комнате воцарилась тишина. Женщина, пораженная словами прокурора, изумленно смотрела на него. Что за наглость! Предлагать деньги за то, что эта женщина не в силах продать, за то, что она любит больше жизни, за то без чего она просто умрет! За ее дочь, за ее сокровище! Вот он, тот момент, которого она боялась больше смерти. Неужели, этот день уже настал?

Луиза еще раз посмотрела на прокурора; строгое выражение лица свидетельствовало о серьезности решения, а фрак из дорогой ткани – о состоятельности его владельца. Это сильно напугало женщину. Вскоре, собравшись с мыслями, она постаралась возразить:

– Месье, я не совсем вас поняла, что я должна отдать вам взамен?

Ее голос утратил прежнюю тихую хрипоту, теперь он приобрел угрожающую нотку возмущения. Это был тот самый голос, какой обычно бывает у матери, отчаянно старающейся защитить свое дитя. Защитить от чего? От этого наглого предложения? Скорее всего, она хотела другого, Луиза желала оградить дочь от подобных мужских посягательств.

– Кто вы вообще такой? – спросила она все тем же возмущенным тоном.

Мужчина медленно встал с постели, и, выпрямившись, свысока посмотрел на женщину. От такого холодного и надменного взгляда Луиза немного растерялась, отступив на шаг назад. Способностью так мрачно смотреть на людей обладали лишь дворяне и представители власти. Де Вильере сочетал в себе оба этих титула, являясь королевским прокурором и единственным наследником графа де Корлин. Отведя взгляд в сторону, он тихо произнес:

– Кто я? Дворянин, королевский прокурор, Виктор де Вильере. Но вопрос в другом: кто вы? И на что готовы ради того, чтобы дочь не уподобилась вам?

– Вы – королевский прокурор? – женщина насторожилась, вспомнив все, что ей довелось слышать об этом человеке.

– Да, я – королевский прокурор. – Де Вильере продолжил расспрос. – Так хотите ли вы, мадам, оградить ее от этого ужасного мира разврата и порока?

Хотела ли она этого? Конечно, да! Единственной ее мечтой было спасти Агнессу от подобного позора. Луиза как любая другая мать желала своей дочери лучшего, и теперь у нее появилась возможность предотвратить ужасное будущее. Но какой ценой? Отдав еще молодую и наивную Агнессу этому мужчине, в руках которого была огромная власть. Женщина догадывалась, зачем прокурору нужна ее красивая дочь, но от этой мысли ей становилось еще хуже. Как это ужасно! А если она не согласится на эту сделку, что тогда? Вероятно, де Вильере подстраховался на этот счет, и если она посмеет отказать ему, то ее, наверное, арестуют и осудят. А что станет с Агнессой? Молодая девушка будет вынуждена пасть до ее уровня и в любом случае королевский прокурор получит свое.

– Можете ли вы гарантировать мне, что если я соглашусь, то моей дочери ничего не будет угрожать? – Луиза с надеждой посмотрела в свинцовые глаза мужчины.

– Да, – на его губах появилась хитрая улыбка, – если она согласится стать моей.

Сердце Луизы испуганно заколотилось, желая выскочить из груди. Как же теперь ей быть, что ответить? Ее дочь, еще дитя, не имеющее никакого представления о браке и семейной жизни, и самое главное, не знающей ничего о супружеском долге. Агнесса, наивная и непорочная, вряд ли могла представить себе, какие развратные мысли вот уже третий день посещали королевского прокурора. И после чего? После одной только встречи, продлившейся несколько минут. Что же произойдет с де Вильере, если он будет видеть ее каждый день, если он завладеет ею?

– Надеюсь, – женщина надеялась отговорить представителя власти, – господин де Вильере, вы понимаете, что я не смогу заставить ее дать вам согласие?

– Так постарайтесь как-нибудь внушить ей это! Неужели, вы так плохо знаете свою дочь, что не сможете повлиять на нее? – он подошел к двери и, схватившись за ручку, открыл ее. – Я надеюсь на вас, мадам.

Прокурор вышел из комнаты, оставив несчастную Луизу наедине с собственными мыслями, которые были для нее самой ужасной пыткой. Женщина начала расхаживать по комнате, продумывая свой разговор с дочерью. Что она скажет Агнессе? Как объяснит ей, что буквально продаст ее, как какую-то вещь? И кому? Человеку с холодным сердцем, которому, возможно, все равно, что она думает. Луиза надеялась только на то, что Агнесса поймет ее или хотя бы заинтересуется де Вильере.

Глава 5. Станный разговор

Вернувшись домой, де Вильере поплелся в спальню, ничего не замечая. Когда прокурор лег в постель, то начал задумываться над сегодняшним разговором с Луизой. Неужели, он, действительно, предложил ей отдать дочь, дабы оградить ее от ужасных последствий бедности? Теперь Виктор надеялся лишь на то, что Агнесса примет это предложение. А иначе он и так завладеет ею?

Что же он нашел в ней? Почему же де Вильере так сильно возжелал эту девушку? Ведь в Париже можно было бы найти невесту и богаче. Богаче, но никак не красивее. Похоже, господину де Вильере испытывал то самое не имеющее границ чувство, что заставляет человека хотеть обладать самым прекрасным созданием на свете. Он увидел прекрасный цветок и захотел сорвать его, забрать себе. Он просто не мог не влюбиться в нее; молодая, красивая, скромная и невинная она обладала уникальной способностью – приковывать к себе чужие взгляды.

Так в чем же обвинять его? Де Вильере – лишь жертва невинных чар этой девушки. Неужели, его вина в том, что она такая красивая способна завладеть его разумом при помощи только одного взгляда? Неужели, он виноват в том, что она – совратительница с внешностью ангела? А если он не единственный, кто поддался ее чарам? Что тогда? В таком случае де Вильере был уверен, что придушит любого, кто только помыслит о ее хрупкой красоте.

– Господи, – прошептал мужчина, – почему ты создал столь неотразимое существо?

Задумавшись, прокурор не заметил, как начал погружаться в сон. Это было то самое замечательное ощущение покоя, в котором так нуждался де Вильере. Но даже во сне его не покидал образ Агнессы, призрак, что часто являлся представителю власти. Как наяву он видел перед собой эту девушку, лежащую на его кровати и зовущую к себе. Она лежала, не прикрывая наготу. Нежная улыбка, робкий взгляд и тихое, едва заметное дыхание еще больше притягивали прокурора...

Примерно в это же время Луиза решила навестить Агнессу. Удивленная тем, что дочь сама не открыла дверь, женщина зашла к ней в комнату; девушка спала тихо, как мертвая. Она лежала, обхватив руками подушку и немного уткнувшись в нее носом. Черные кудри слегка прикрывали ее красивое личико. Иногда дрожали длинные ресницы, подобные темным стрелам. Вот он, спокойный сон поистине невинного создания.

Луиза упала на колени перед постелью Агнессы, не в силах сдержать боль, разрывающую ее изнутри. Как она могла согласиться отдать свою собственную дочь человеку, который явно интересовался лишь непорочностью этого беззаботного существа. Эта девушка – ангел ни разу не знавший мужских ласк, сейчас спала, ничего даже не подозревая.

На глаза женщины навернулись слезы. Сколько горечи было в этих слезах, сколько печали в каждом вздохе! Она опустила голову, будто не желала смотреть на то, что скоро исчезнет из ее жизни. Жестокая память возрождала все чудесные моменты ее жизни, связанные с дочерью. Собственно говоря, Агнесса была единственным хорошим воспоминанием из ее молодости. Смерть родителей, долгие годы скитаний, предательство любимого человека – все это было адом, в котором приходилось жить Луизе. Но, как бы ни была ужасна ее судьба, женщина всегда находила утешение в своем ребенке, во времени, проводимом с ней. Но восемнадцать

лет счастья оказались настолько короткими, что расставание стало бы для любящей матери смертельным ударом.

Раньше Луиза надеялась, что Агнесса хотя бы до девятнадцати лет не узнает о несправедливом явлении под названием «брак», а теперь? Она сама отдает ее. Женщине становилось плохо только от одной мысли о том, через что придется пройти ее дочери. Смириться с тем, что ей придется стать игрушкой в руках де Вильере, с тем, что она уже не вернется домой. И самое главное, сможет ли она принять это решение и простить когда-нибудь свою мать?

На следующее утро Луиза проснулась раньше Агнессы и решила провести один день с ней, поговорив о ее будущем замужестве. Женщина стояла на маленькой кухоньке, пытаясь что-нибудь приготовить. Вдруг в дом вбежал радостный Леруа. Его лицо буквально светилось от счастья, глаза блестели, а улыбка растягивалась, чуть ли не до ушей. Довольный он подбежал к тете, желая сообщить радостную новость:

– Тетушка, я хотел кое-что рассказать вам...

– Нет, Леруа, – перебила его Луиза, – это я хотела кое-что тебе рассказать.

Ребенок, тяжело вздохнув, сел за небольшой столик, сделав вид, что внимательно слушает ее. Вечно его кто-то перебивал, мешая ему поделиться хорошей новостью! Какое несправедливое отношение к этому милейшему ребенку! Ну, точнее, он так думал. На самом же деле это не его часто перебивали, а он вмешивался, куда не стоит. Возможно, не будь Леруа таким разговорчивым, он бы не попался тогда Ришару и не оказался бы в кабинете у де Вильере. Но, что поделаешь, такой у него был характер.

– Леруа, – обратилась к нему Луиза, присев рядом, – как ты относишься к Агнессе?

– Я очень люблю ее. – Воодушевленно начал мальчик. – Я как раз и хотел поговорить об Агнессе. Мне нужно познакомить ее кое с кем.

– С кем? – женщина удивленно подняла бровь.

– С одним моим очень хорошим другом. Он ей понравится.

Луиза отрицательно покачала головой, давая понять ему, что это плохая идея. Леруа обиженно опустил голову, весь его блестящий план рушился о скалы строгости тетушки. Неужели, он проиграл этот бой? Нет, Леруа не из тех, кто так легко сдается! Если так не удастся познакомить Андре и Агнессу, то он пойдет на хитрость и сделает это где-нибудь вне дома. Главное выманить сестру из этого ужасного заточения.

– Леруа, – сказала женщина, – я понимаю, что ты заботишься об Агнессе, но, поверь, я нашла достойного претендента на ее руку.

Его словно молнией поразило, мальчишка сидел с выпученными от удивления глазами и следил за каждым движением тети. Как так, она хочет выдать Агнессу замуж! Это же просто возмутительно! Ведь, по мнению Леруа, ей никто не подходит, кроме Андре. Ведь они бы так идеально дополняли друг друга, она такая добрая и заботливая, он – смелый и сильный, а зна-

чит, в любой момент сможет защитить ее. Они просто идеальная пара, как день и зоря! Так думал Леруа, но кто бы стал слушать ребенка?

Пока Леруа и Луиза спорили, Агнесса спала, так крепко и сладко, что походила на ангела. Лучи утреннего солнца падали прямо на ее подушку и слегка задевали ее лицо, будто боялись разбудить. В этом золотистом свете она была по-особенному прекрасна, так чиста и беспомощна; черные локоны вьющимися лентами свисали с подушки, пушистые ресницы скрывали прекрасные глаза, а алые губы были чуть-чуть растянuty в почти незаметной улыбке. Кто знал, какие сладкие сны снились ей, что за дивные мечты являлись красавице в ее богатом воображении?

Вдруг в спальню вошла Луиза. Она обреченно улыбалась, глядя на дочь, которая сегодня же должна была встретиться с де Вильере. Как больно осознавать, что твое сокровище скоро будет принадлежать другому человеку. Вслед за женщиной в комнату вошел Леруа, еще не потерявший надежду узнать, за кого Луиза хочет выдать Агнессу.

– Я же сказала, что вечером ты сам увидишь этого мужчину! – воскликнула она.

– Я, может быть, до вечера не дотерплю и умру от любопытства! – язвительно ответил мальчик.

Услышав их разговор, проснулась Агнесса. Девушка, вернувшаяся из прекрасного царства снов, вздохнув, встала с постели и недовольно посмотрела на своих родственников. Она была одета в белое ночное платье, а сверху был накинут тонкий халат. Агнесса ничуть не удивилась этому спору, только спросила:

– Из-за чего вы ругаетесь? Что-то случилось?

– Нет, – ответила Луиза, крепко сжав плечо мальчишки, – все в порядке. Леруа, оставь нас наедине.

Мальчик, разочарованно закатив глаза, вышел и громко захлопнул дверь. Агнесса вздрогнула от этого звука, пронизавшего тишину. Она, недоумевающая, посмотрела на мать, та лишь улыбнулась и подошла к ней. Девушка села за стол перед зеркалом, и взяв небольшой гребень, начала медленно расчесывать волосы. Луиза все это время наблюдала за дочерью, за тем, как она всматривается в свое отражение, будто оно было реальным человеком. Как прекрасна и Агнесса и ее отражение, идеально повторявшее все черты лица красавицы, которые просто невозможно было бы ни приукрасить, ни преуменьшить. Ее лицо было как раз тем эталоном красоты и великолепия, которое считалось огромной редкостью и настоящим подарком природы.

– Агнесса, – тихо обратилась к ней мать, – я хотела поговорить с тобой. Понимаешь, ты уже не ребенок и...

Девушка повернулась и заглянула в глаза матери, прочтя в них некую скрытность. Начало разговора показалось ей достаточно серьезным и тревожным. Что же такое ужасное случилось? Луиза и так редко уделяла ей время, а серьезно они вообще никогда не разговаривали. Как же странно прозвучала эта фраза, впервые услышанная Агнессой.

– Матушка, – девушка подошла к ней, – что-то случилось? О чем ты хочешь поговорить со мной?

– Понимаешь, дитя, – женщина поправила ее локон, упавший на пухлую щечку, – люди злы и не умеют ценить красоту, особенно мужчины, они, как пауки, плетут сети обмана и лести, которые на первый взгляд кажутся правдой. И, возможно, когда-нибудь ты столкнешься с жестоким обманом. Возможно, когда-нибудь ты поймешь, о каком обмане я говорила.

По ее щекам скатились слезы. Как же тяжело рассказать об этом, но еще тяжелее представить, что когда-нибудь ее дочь станет такой же жертвой обольстительных речей какого-то мерзавца, как и она. Луиза уже сейчас начинала узнавать в Агнесе себя: эта свежая красота, свойственная лишь в юности, и этот чистый, наивный взгляд, который ни с чем нельзя спутать.

– Матушка, – девушка аккуратно придержала ее за плечо, – что с тобой?

– Ничего, все хорошо. – Она смахнула слезы. – Девочка моя, пойми, поначалу ты будешь осуждать меня и ненавидеть его, но потом поймешь, что так было лучше.

– Кого я буду ненавидеть? И за что мне осуждать тебя? – Агнеса растерянно смотрела на мать.

– Ты все узнаешь сегодня вечером, а пока выслушай меня. – Луиза постаралась успокоить дочь. – Ты еще молода, но и он не стар. Пойми, в мире всем правят похоть и разврат, но не стоит путать с ними любовь. Это куда более благородное чувство, и не надо его бояться. Любовь часто приносит боль, но когда она взаимна, боль не замечается. Просто доверяй ему и не пугайся того, что он захочет сделать с тобой.

Девушка хотела было что-то спросить, но Луиза отклонила этот вопрос, будто подумала, что она станет возражать. Женщина вышла из спальни, оставив дочь одну наедине со своими догадками, касаясь того, о ком говорила ее мать. Но как бы она не старалась разгадать эту тайну, она оставалась покрытой мраком.

Глава 6. Встреча

Спустя пару часов, Леруа предложил Агнессе прогуляться, на что она ответила положительно. Сиреневое платье девушки сияло в блеске солнечных лучей. Как замечательно она смотрелась в нем, идеально повторяющем изгибы ее тела. Как легки и свободны были ее движения!

Не сказав ничего Луизе, они быстро покинули дом, опасаясь, что их заметят. Место, куда мальчишка вел сестру, ей было неизвестно, поэтому девушке оставалось лишь с замиранием сердца бродить по безлюдным улицам Парижа.

– Леруа, – спросила она, – куда ты меня тащишь?

Мальчик остановился и, не отпуская руки сестры, посмотрел на нее грустными глазами, выражающими сожаление. Он, действительно, жалел Агнессу, ведь если его план не сработает, ее выдадут замуж за мужчину, которого она, возможно, никогда не видела. Леруа по-прежнему мучился догадками, желая узнать, кто же этот человек. Любопытство взяло верх над слабой волей ребенка, и он попытался узнать об этом у сестры:

– Агнесса, а тебе тетушка не говорила, что сегодня будет?

– Нет, она ничего мне не говорила.

Теперь в мыслях Леруа вертелась одна фраза – «Бедная Агнесса». Если бы она только узнала, что задумала Луиза, то ее ранимое сердце не выдержало бы такого удара. Как это ужасно! Ведь за нее решали ее же судьбу, решали, кого ей любить. Но Леруа надеялся это исправить, вырвав сестру из коварных когтей ее будущего супруга.

Вдруг на безлюдной улице появился молодой человек, в котором не трудно было узнать Андре. Студент шел по улице, смотря по сторонам и насвистывая одну знакомую ребенку мелодию. Легкий ветер играл его золотистыми кудрями, иногда спутывая их между собой. Андре посмотрел вперед и улыбнулся, увидев Леруа с девушкой.

Агнесса вопрошающе посмотрела на мальчишку, желая услышать его объяснения. Леруа, схватив ее за руку, повел навстречу Андре. Радость наполняла сердце ребенка: студент пришел. Он не обманул, он выполнил свое обещание! Глаза мальчишки вновь горели счастливым огоньком, который, похоже, никогда никто не замечал.

– Агнесса, – произнес Леруа, – познакомься, мой друг – Андре!

– Очень приятно, – молодой человек следка наклонил голову, поцеловав руку девушки, – Леруа много о вас рассказывал.

Она смущенно улыбнулась. Мальчишка, заметив это, по-лиси заулыбался, его план воплощался в реальность. Сейчас самое главное, чтобы Агнесса влюбилась в Андре. Именно такие простые мысли, связавшись воедино, образовали хитрый план Леруа. Как у детей все просто: пришел, увидел, победил! Если бы так было на самом деле, мир был бы лучше, а жизнь – проще. Все было бы замечательно: не было бы ни жестокости, ни бедности, ни зла. Но это лишь мечты маленького ребенка, не способного повлиять на ход исторических событий

и как-нибудь изменить мир. На самом деле, чтобы хотя бы немного изменить политику, нужно много лжи и море крови. Собственно говоря, с этим и должны были столкнуться и Леруа, и его друзьям-студентам.

Вскоре мальчишка оставил пару наедине, отправившись домой, чтобы вычислить сегодняшнего гостя. Любопытству подвержены не только взрослые, но и дети, которые всегда стремятся узнать больше, чтобы потом не спать по ночам. Возможно, это и хорошо. Иногда бессонница рождает множество очаровательных сказок, испепеляющих страхи. Андре весь день провел с Агнессой; они гуляли по улицам, разговаривали, словно знали друг друга за много лет до этой встречи. Девушка уже начала забывать об утрешнем разговоре с матерью. Ведь, когда два человека начинают увлекаться друг другом, время летит незаметно.

Андре все это время был сам на себя не похож; он улыбался, шутил и не задумывался над революцией. Его светлую голову уже не омрачали темные мысли о грядущем будущем. Он впервые почувствовал себя по-настоящему свободным и беззаботным, не зависящим от планов восстания. Студент любовался Агнессой. Она казалась ему редкой птицей, созданной для рая, но низвергнутой в этот ад, что назывался Парижем. Что-то близкое он видел в ней, что-то схожее с ним. Была ли это жажда свободы? Этим она еще больше походила на голубку, посаженную в маленькую клетку, из которой просто не было шансов вырваться.

Агнесса же, ласково улыбаясь, внимательно слушала увлекательные рассказы студента. Ее очаровывали поистине чистые голубые глаза Андре, в которых, казалось, отражались все краски мира, все радости и несчастья рода людского.

Вскоре солнце начало заходить за горизонт, забирая с собой последние лучи света, ласкавшего сухую землю. Агнесса и Андре стояли на мосту и любовались закатом, тем самым несравненным явлением, вид которого завораживает, заставляя сердце биться сильнее. Как романтичны такие мгновения, и как долго они остаются в памяти человека? Эти мгновения, наполненные беззаботным счастьем, душевным спокойствием и мечтательным чувством первой любви.

Что сейчас творилось в головах этой парочки? Можно утверждать лишь то, что их сердца переполняли доселе неизвестные им чувства, заставляющие их доверять друг другу. Андре, поддавшись этим чувствам, невольно попытался прильнуть губами к щеке Агнессы. Девушка, испуганно отстранилась.

– Прости, Андре, – тихо проговорила она, – но мне уже пора домой. . .

– Мы еще когда-нибудь встретимся? – тревожно спросил студент.

Агнесса пожала плечами и направилась в сторону дома. Андре смотрел ей вслед, наблюдая, как ее хрупкий силуэт отдаляется от него и исчезает в последних лучах солнца. Как грустно было осознавать, что он имел возможность поцеловать ее, но этот шанс упорхнул от него.

Подойдя к дому, Агнесса постучала в дверь. Открыла Луиза в новом, темно-зеленом платье из дорогой ткани. Девушка, удивленная новым платьем матери, просто не смогла вымолвить ни слова. Откуда? Им денег едва на жизнь хватает, а она тут покупает новые платья! Леруа сидел на лестнице, наблюдая за тетушкой.

– Агнесса, – возмущенно обратилась к ней мать, – где тебя черти носили? С минуты на минуту здесь будет господин де Вильере, а ты все еще в этом ужасном платье!

Она взяла дочь за руку и повела в ее комнату. Девушка просто не могла понять, что же могло понадобиться господину де Вильере у них дома. Но спросить об этом у нее не вышло, Луиза, не желая слушать какие-либо претензии, буквально тащила ее за руку в комнату. Мальчишка проследовал за ними. Зайдя в спальню, Агнесса заметила на своей постели роскошное синее платье с серебристым кружевом и корсетом.

– Значит так, дорогая моя, – сказала Луиза, – ты сейчас надеваешь это платье и сидишь здесь, пока я тебя не позову.

– Зачем? Где ты его взяла? – она, недоумевающая, смотрела на мать. – И что у нас будет делать господин де Вильере?

Женщина тяжело вздохнула. Как же трудно рассказать всю правду любимой дочери о том, что ее просто продают этому мужчине. Как же страшно смотреть на это испуганное личико, как же больно смотреть в эти зеленые глаза, в которых читается лишь одно – страх. Луиза взглянула на мальчика, стоявшего в дверях.

– Леруа, – попросила она, – выйди и закрой дверь с той стороны.

Он повинился. И вот Агнесса осталась наедине с матерью. Женщина присела на кровать, придумывая, что же сказать дочери, как объяснить то, что происходит. Как рассказать ей, что теперь она будет принадлежать королевскому прокурору, что теперь она станет его игрушкой для любовных утех? Луиза взяла Агнессу за руку, усадив рядом с собой. Рука девушки показалась ей слишком холодной, слишком бледной для нее. Неужели, страх проник в кровь и начал медленно убивать ее?

– Мое любимое дитя, – прошептала Луиза, обнимая дочь, – прости меня! Прости мне то, что родила тебя такой красивой! Прости, что не смогла уберечь от мужских глаз! Прости, что продала тебя, как ненужную вещь!

– Что значит «продала»? Матушка, не хочешь ли ты сказать, что...

Женщина кивнула. Агнесса вскрикнула и буквально подпрыгнула с кровати, зажав рот рукой, дабы не позволить панике вырваться наружу. Она догадалась, о чем утром хотела поговорить с ней мать, о ком она говорила утром. Бессильное возмущение захлестнуло разум красавицы, заставив метаться по комнате с испуганным видом, затравленной зверушки. Это просто ужасно! Еще только днем она беззаботно прогуливалась с Андре по улицам Парижа, а сейчас ее уже выдают замуж!

– Так будет лучше для тебя. – Луиза попыталась успокоить дочь.

– Лучше? – возмутилась девушка. – Почему мне станет лучше от того, что ты продашь меня как какую-нибудь ненужную безделушку?

Женщина не выдержала и отвесила Агнессе пощечину так, что та задрожала, прикрывая место удара. Из прекрасных зеленых глаз, как осколочки льда, вылетели слезинки. Дыхание

девушки сбилось, от чего ее тело еще сильнее затряслось, и она, не устояв на ногах, упала на пол. Агнесса прижала холодную руку к щеке, горящей от боли. Она посмотрела на мать, опасаясь, что за первым ударом последует второй, но этого не произошло. Луиза опустилась на пол, рядом с дочерью, положив руку ей на плечо и тихо сказав:

– Прости, девочка моя, умоляю, прости!

– Пожалуйста, – дрожащим голосом прошептала девушка, – матушка, не надо! Не отдавай меня!

– Агнесса, пойми, у меня нет выхода. Если я не отдам тебя ему, то рано или поздно ты пойдешь по моим стопам, а я этого не переживу.

– Матушка...

Девушка так тихо произнесла это слово, так умоляюще, что сердце Луизы сжалось до боли. Одно слово, произнесенное столь душераздирающим голосом, что нельзя было не заплакать. Что она наделала! Вот, ее дочь стоит сейчас на коленях перед ней, уцепившись руками в подол платья, и слезно молит не отдавать ее. Красивое личико девушки украшают слезы, а черные волосы растрепанно свисают с плеч. Как больно смотреть на это! Не такого счастья бедная женщина желала своей дочери.

Через пару минут Агнесса оставила эту идею с мольбами и прошениями, она легла на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Тело ее все еще дрожало от судорожных вздохов и всхлипов. Казалось, эти рыдания никогда не прекратятся. А в скором времени должен явиться господин королевский прокурор за своей невестой.

– Выпей. – Она протянула девушке кружку с отваром.

– Что это? – Агнесса сквозь слезы посмотрела на мать.

– Не спрашивай, просто пей!

Красавица, недолго подумав, выпила отвар, после чего положила голову на плечо матери. Обессилив от рыданий, она уже не могла плакать, лишь судорожно вдыхала воздух. Женщина заботливо погладила дочь по голове. Луиза вспомнила, как раньше укладывала спать маленькую Агнессу, рассказывая ей сказку и целуя в лоб. Как прекрасны были те времена, когда мужчины смотрели на ее дочь как на ребенка, а не как на девушку. Те времена, когда в их глазах не горел огонь желания, увы, сгорели в огне лет.

– Я всегда любила тебя, моя дорогая. – Сказала женщина, обнимая дочь. – Ты и сейчас для меня самое драгоценное сокровище.

Она перестала плакать не из-за отвара, а из-за того, что поняла: это бесполезно. Агнесса была обречена стать невестой господина прокурора. На данный момент она вспоминала тот день, когда впервые встретила де Вильере. В памяти красавицы возродился его холодный взгляд, который чем-то привлек ее, запомнившись навсегда. Но как она будет любить прокурора, если видела всего его лишь один раз?

– Матушка, – голос ее звучал тихо, – и все-таки, почему именно де Вильере?

Этот вопрос прозвучал так неожиданно, что Луиза, не готовая к нему, растерялась. Почему-то она не задумывалась, что Агнесса захочет задать ей столь очевидный вопрос. И хотя страх девушки перед браком с женщиной намного старше ее был вовсе не знаком матери, она не знала, как правильно ответить, не напугав дочь. Сказать правду – она испугается и точно не подпустит к себе де Вильере, солгать – она все рано узнает. Что можно ответить дочери, которая со страхом сидит и смотрит ей прямо в глаза? Что желает услышать это непорочное существо? Какую правду о безысходном решении хочет узнать беззаботное дитя?

– Давай поговорим об этом позже. – Луиза встала с кровати и подала девушке платье. – Поднимайся, я помогу тебе затянуть корсет.

Агнесса взяла платье и начала переодеваться. Оно, действительно, было красивым: синяя шелковая ткань, украшенная изящными узорами серебряного цвета, открытые плечи, небольшой вырез на груди в форме сердца и длинные узкие рукава. Единственная непривычная деталь в этом платье – туго затягивающийся корсет. Агнесса и так обладала слишком узкой талией, которая и без корсета была идеальной.

Луиза подошла к дочери и помогла ей зашнуровать платье, в то время как девушка не спеша расчесывала волосы. Вдруг в комнату вбежал запыхавшийся Леруа. Немного отдышавшись, он сказал:

– Тетушка, господин де Вильере пожаловал!

Когда Луиза спустилась на первый этаж, де Вильере уже стоял возле лестницы, с нетерпением ожидая, когда его представят Агнессе. Судя по довольной улыбке сытого кота, прокурор был в прекрасном расположении духа. Его серые глаза сияли каким-то загадочным радостным огнем, который просто нельзя было не заметить. Он был по-настоящему счастлив, осознавая, что через несколько минут вновь увидит Агнессу, что теперь-то она будет только его.

Луиза присела в легком реверансе, подойдя к представителю власти. Сейчас ей хотелось произвести хорошее впечатление на королевского прокурора. Мужчина кивнул головой, поцеловав ее руку. Если честно, он не особо хотел тратить время на все эти вежливости, его интересовало лишь одно – Агнесса... его Агнесса.

– Мадам, я надеюсь, она готова?

– Да, – женщина посмотрела на лестницу, – она у себя в комнате. Позвольте, я провожу вас к ней.

Сердце де Вильере ликовало; наконец-то он получит то, что хочет, наконец-то этот бесценный, еще никем не тронутый алмаз будет его. В воображении прокурора уже рисовался ее образ в белом подвенечном платье, он уже представил, как впервые касается ее губ своими, и как ночью овладевает столь пленительным телом. Де Вильере старался быстрее подниматься по ступенькам, будто каждая секунда ожидания была для него вечностью.

– Добрый вечер, господин де Вильере!

Прокурор обернулся, услышав за своей спиной детский голос. Перед ним стоял Леруа; лицо этого ребенка было приветливым, что не могло не пугать, ведь все знали, если этот ребенок решил поиграть в пайнку, то до нового происшествия осталось совсем мало времени. Мальчишка смотрел то на прокурора, то на тетушку, стараясь казаться ангелочком.

– Какой милый ребенок... – Де Вильере наклонился, посмотрев в глаза мальчика. – А на допросе ты таким не был. Что случилось?

Королевский прокурор испепелял мальчишку мрачным, строгим взглядом, каковым обычно глядел на преступников, отказывающихся признаваться в совершенном злодеянии. Это была та самая примитивная, но хитрая и весьма действенная уловка, не требующая особых физических усилий. Этот метод требовал совсем другое – умение оказывать на человека значительное влияние в психологическом плане, способность показать одним взглядом свое превосходство над ним. Чего же ожидал де Вильере, играясь с людьми в подобные уловки? Одно можно сказать точно – представитель власти не столько преследовал цель добиться правды, сколько надеялся увидеть ответную реакцию своего «подопытного». И, надо признать, все подозреваемые реагировали по-разному: кто сохранял спокойствие, раздражая этим юриста, а кто наоборот впадал в то состояние, когда человек способен сознаться в чем угодно.

– Ваш приезд очень сильно повлиял на меня. – Леруа совершенно спокойно посмотрел на Луизу. – И не только на меня...

Женщина убедила представителя власти, что не стоит тратить время на разговоры с этим проказником. И вот они уже стояли возле двери, ведущей в обитель мечты де Вильере. Луиза открыла дверь, запустив мужчину вперед себя. Перед их глазами предстала следующая картина: Агнесса сидела перед зеркалом спиной к двери и старательно подводила глаза черным карандашом. Прокурор смотрел на нее влюбленными глазами, на ее открытую спину, на ее прекрасное отражение в зеркале.

Увидев в зеркале за спиной мать, будущего супруга и Леруа, она испуганно обернулась. Девушка тревожно смотрела на де Вильере, ее глаза быстро пробежали по очертаниям лица представителя власти; почему-то с прошлой встречи она плохо помнила их. Агнесса не думала, что господин прокурор настолько привлекательный мужчина; как красивы были его сверкающие серые глаза, узкий немного длинный нос и бледные плоские губы. Она сидела, увлеченно смотря на человека, которого еще пару минут назад проклинала и ненавидела.

– Господин де Вильере, – Луиза прервала молчание, указав рукой на дочь, – ваша ненаглядная.

Девушка встала со стула и, сделав несколько шагов вперед, поклонилась. Она боялась поднимать глаза и смотреть на прокурора, словно в его глазах была некая магическая искра, смущающая ее. Красавица глядела в пол, надеясь, не встретиться с взглядом представителя власти.

– Оставьте нас одних! – тихим, но достаточно твердым голосом приказал де Вильере.

Агнесса умоляюще посмотрела на Луизу, надеясь, что она не уйдет. Но женщина вместе с мальчишкой вышли из комнаты, буквально отдав дочь в полное распоряжение прокурора. Послышался звук поворачивающегося ключа, мать закрыла дверь, чтобы девушка не вздумала

выбежать из комнаты. Теперь красавица была в ловушке, она отступила назад, беспокойно смотря на мужчину.

– Прекрасное дитя, – бархатный голос де Вильере прорезал тишину, как острое лезвие ножа.

Она стояла, замерев на месте, словно статуя. Прокурор за считанные секунды преодолел небольшое расстояние между ними, и спустя мгновение уже находился рядом с девушкой. Он наклонил голову, коснувшись носом ее лба. Глаза в страхе сомкнулись, будто на веки пролился расплавленный металл. Мужчина провел руками по ее плечам, талии, слегка задев кожу и ткань платья. Ее губы дрогнули.

Заметив это, прокурор неслышно усмехнулся и, подхватив ее на руки, усадил на подоконник. Девушка уперлась обнаженной спиной в холодное запотевшее стекло. От встречи с горячей кожей запотевший слой превратился в прохладные капли. Теперь ее шею согревало теплое дыхание и губы де Вильере, а спину ласкало холодное стекло. От этого по телу красавицы пробегали мелкие мурашки. Она была зажата между двумя стихиями, между льдом и огнем.

Мужчина довольствовался этой игрой, в которой еще совсем юное создание находило опасность, а он – забаву. Как же он долго ждал этого момента, этого шанса прикоснуться к ней, прижать к себе и вдохнуть приторно-сладкий аромат ее духов. Прокурор чувствовал, как дрожит ее тело. Вдруг он услышал охрипший от волнения голос девушки:

– Господин де Вильере, умоляю вас, отпустите меня...

Он посмотрел в ее зеленые глаза. В них читался страх. Но страх перед чем, перед представителем власти, или перед первой ночью, проведенной с ним? Молодая и неопытная, Агнесса не могла решить, чего именно она боится. Она совсем не ожидала, что мужчина вопьется поцелуем в ее мягкие податливые губы. Ощувив, что вот-вот воздух в легких закончится, красавица постаралась оттолкнуть де Вильере. Вскоре, когда ей это удалось, Агнесса спрыгнула с подоконника и отошла на несколько шагов от прокурора, смотревшего на нее хищным взглядом.

– Лисенок, – прошептал он, медленно приближаясь к ней, – не смей убежать от меня!

– Почему «лисенок»? – спросила девушка.

– У тебя глаза, как у лисички, красивые и хитрые...

Де Вильере, опустившись на колени, притянул ее за руку. Мужчина зарывался лицом в шелковый подол платья, еле сдерживая желание разорвать его. Его руки крепко обхватывали затянутую талию Агнессы, крепко прижимая ее. Безумная прихоть снять это проклятое платье управляла прокурором, все сильнее подавляя его волю. Он так мечтал увидеть ее обнаженное тело пред собой, что был готов на любой день назначить свадьбу. Его сухие губы легонько касались края ее рта.

– Умоляю вас, – проговорила девушка, – не сейчас!

Прокурор прислушался к ее мольбе. Если сегодня ей еще удалось отвертеться, то после свадьбы точно не удастся! Ничего, он четыре дня ждал, чтобы поцеловать ее, а ради брака, связавшего их навсегда, де Вильере был готов и немного потерпеть...

Глава 7. Новость, облетевшая Париж

Весь вечер Агнесса старалась молчать, боясь привлечь внимание де Вильере, в то время, как он договаривался с Луизой, на какой день назначить свадьбу. Наконец-то они пришли к согласию. Вскоре прокурор уехал домой, оставив свою невесту на попечение матери. Свадьба должна была состояться через три дня. Значит, у девушки было время морально подготовиться к событию, которое она считала роковым.

Около часа она проходила, не сказав ни слова, бросая умоляющие взгляды на Луизу. Но мать была непреклонна. Как же девушка боялась этой строгой решительности, которая вырисовывалась на лице женщины каждый раз, когда дочь пыталась отговорить ее от этой ужасной идеи с замужеством. Но, что Луиза могла сделать? Все уже было решено, и через три дня Агнесса станет женой господина де Вильере. Другого выхода нет!

Красавица, оставшись одна в своей комнате, попыталась найти какие-нибудь положительные черты в королевском прокуроре, дабы хотя бы немного свыкнуться со своей судьбой. В нем была какая-то манящая искра, которая привлекала Агнессу; то ли выразительный взгляд, то ли загадочный характер, то ли пылкая страсть. Что-то завораживало ее.

Вспоминая де Вильере, девушка не заметила, как начала засыпать. Ее веки тяжелели, дыхание становилось ровнее. А дальше...

Мужские губы обследовали ее ключицы. Хрупкие ладони упирались в грудь в надежде оттолкнуть, но попытки были тщетны. Странное состояние, подобное песку в горле, душило, лишало возможности закричать. Страх сливался со смущением. Необъяснимое ощущение вселяло неведомую до последних дней жажду.

Быстрые, иступленные поцелуи, что скользили все выше и выше, резко прервались. Горячий кончик языка замер на сонной артерии, слегка надавив на нее. Перед глазами все поплыло, будто кровь перестала биться под тонкой кожей. Пара мгновений – его дыхание коснулось пылающих от стыда щечек. Невыносимая беспомощность накрыла тело, полностью отдавшееся во власть крепких рук. Влажные ладони забрались под платье и, устраняя шелковую ткань, плавно легли на белоснежные колени.

По онемевшему от ласк телу, словно пробежал разряд тока. Сердце забилося так же быстро, как ласточка мечется в крохотной клетке. Глаза резко распахнулись. Не позволить ему! Борься!.. Борься до конца! Какая досада. Сама же не старалась вырваться. Слабые попытки тут же были пресечены. Пальцы скользнули вверх вдоль внутренней стороны бедра...

Агнесса с криком проснулась. Сердце колотилось в груди, лоб накрывал холодный пот, а тело задевала мелкая дрожь. Девушка тяжело дышала, будто задохнулась от приснившегося ночного кошмара. Теперь он уже и снится ей! Неужели, господин де Вильере даже во сне не оставит ее в покое? Или красавица сама мысленно начинает мечтать о браке с этим коварным мужчиной? Если так, то, какие злые силы играют с ней в эту опасную игру? Какова будет цена проигрыша? Что случится, если она сдастся?

Спустя пару минут девушка посмотрела по сторонам, дабы убедиться, что в комнате кроме нее никого нет. Никого не было, лишь лунный свет косо падал на подушку Агнессы, наполовину освещая ее испуганное лицо. Красавица перевела взгляд на одеяло, край которого она крепко сжимала рукой. Вскоре она встала с постели и подошла к окну, открыв его. Лег-

кий, прохладный ветерок ударил в лицо, мягко окружая его и успокаивая девушку. Агнесса посмотрела в окно: ясное небо было усыпано миллиардами далеких звезд, поистине свободными и независимыми ни от кого. Вот, что значит настоящая свобода!

Красавица вспомнила, как проводила время раньше, беззаботно плетя корзины и не задумываясь об ужасном явлении как «брак». Раньше она была полностью свободна, и тело, и душа ее не чувствовали оков. А сейчас, ее душа была прикована к прокурору, сейчас все ее мысли только и занимала новость о свадьбе с человеком, которого она почти не знала. Но тело девушки все еще оставалось свободным, но, похоже, этому недолго суждено продлиться.

Что теперь? Ее мысли путались, желания смешивались в один клубок, а сердце разрывалось. Что ей делать: отдаться де Вильере, смирившись с судьбой, или попытаться сбежать? Но куда она сбежит и с кем? С Андре? А любит ли он ее? А сама Агнесса, она хоть что-нибудь чувствует к этому студенту? Возможно, девушка и смогла бы полюбить его, но после разговора с матерью, о том, что есть любовь, а что – ложь, она уже не могла отличить одно от другого. Но если Андре и любит ее, то что красавица сможет сделать, как она сбежит от пылающего к ней страстью представителя власти?

«А де Вильере? – подумала девушка. – Он любит меня, или им движет лишь похоть? Любовь и страсть это такие разные понятия, объединенные только одним – целью, которую хочется заполучить. Почему этой целью стала я? Почему я попала в ловушку между этими людьми? Какой странный выбор: де Вильере или Андре. Богатство или нищета. Честь или унижение. Любовь или... А с чего я решила, что господин прокурор меня любит? Он же еще не говорил мне об этом, а, может быть, и не скажет. Но, что если у него есть сердце и душа, а у Андре – нет? Что если я сбегу со студентом, но буду ли счастлива? А, оставшись с де Вильере, не буду ли я сожалеть об этом решении? Какой ужасный выбор!»

Возможно, наша героиня сама себя обманывала, придумывая домыслы про этих двух абсолютно разных людей. С одной стороны был взрослый состоявшийся мужчина, готовый ради нее на все, а с другой – молодой студент, гонящийся за несбыточной мечтой. Явно преимущество было на стороне королевского прокурора. Но замечала ли Агнесса этого?

Даже если бы она бросала свое сердце к ногам Андре, он все равно бы разбил его на мелкие осколки. И вероятнее всего, студент бы этого просто не запомнил. Для него любовью всей жизни была революция, он жил ею, дышал и грезил целыми днями. Молодой человек так долго мечтал об этом событии, способном разрушить прежний жестокий мир. Вряд ли его бы заинтересовала любовь Агнессы даже, несмотря на ее красоту.

А королевский прокурор? Он, напротив, был готов отдать что угодно ради одной только ночи, проведенной с ней. В мечтах и грезах его была лишь Агнесса. Лишь ее хрупкий образ жил в его воображении. И если бы девушка ответила взаимностью, хотя бы легким влечением, де Вильере стал бы самым счастливым человеком на свете.

Агнесса задумывалась над тем, что это вполне могло случиться, но боялась. Чего? Наверное, не столько самого прокурора, сколько его властного взгляда. Даже сейчас, стоя перед окном и смотря на звезды, она вспоминала то, как он смотрел на нее; эти страстные глаза, горящие похотью и безумным желанием. Девушка вспоминала, как еще пару часов назад, де Вильере обнимал ее, целуя шею и прижимая к себе. От мыслей об этом, по ее спине пробежали мурашки...

Проснулась Агнесса очень рано. Одевшись, она принялась за свое любимое дело – плетение корзин. Это было единственное занятие, которое успокаивало ее, отвлекая от всех проблем. Она сидела возле окна и аккуратно сплетала солому. Ее внимательный взгляд был устремлен на изделие, плетение которого она скоро должна была закончить.

Но девушка, увлеченная своим занятием, не замечала наблюдателя под своим окном. Полицейский инспектор вновь пришел, чтобы посмотреть на красавицу. При виде ее, сердце Ришара наполнялось какой-то светлой надеждой. На что? На то, что она когда-нибудь полюбит его? Сам полицейский понимал, что это, скорее, несбыточная мечта, которая вскоре умрет, а не подарок судьбы. Но зачем же, тогда он пришел сюда? Ему было очень интересно, что произошло прошлой ночью, ведь сегодня господин прокурор явился на службу в прекрасном расположении духа, а это была большая редкость. О чем он договорился с матерью Агнессы? Ришар считал, что просто обязан узнать это. А от кого он мог получить такую ценную информацию? Только от Леруа.

Вот как раз из дома и вышел упомянутый мальчишка. Он резвым шагом направился в сторону таверны, где его уже должны были ждать друзья. Инспектор последовал за ним, надеясь поймать его и выпытать интересовавшую его новость. Почему он считал, что мальчик должен знать об этом? Хотя бы потому что Леруа жил вместе с Луизой и Агнессой, а, значит, мог что-то слышать.

Преследуя мальчишку до угла соседнего дома, Ришар думал вот-вот схватить его. Так он и сделал. Инспектор схватил Леруа за шиворот, поднял над землей и, прижав к стене дома, посмотрел прямо в лицо мальчику. Тот попытался закричать, но полицейский зажал ему рот рукой. Мальчишка мычал и старался вырваться, извиваясь, как змея, но все напрасно.

– Значит так, маленький вредитель, – сказал инспектор, пытаясь заставить его замолчать, – я сейчас задам тебе вопрос, а ты – честно ответишь мне на него. Если скажешь правду, я тебя отпущу. Понял?

Леруа кивнул. Ему казалось, что он знает, о чем его хочет спросить Ришар. Мальчишка предполагал, что этот вопрос будет касаться его отношений с революционерами. Но он ошибся. Полицейского последнее время почти не интересовало общество, организованное студентами, его беспокоил лишь один человек – прекрасная сестра этого мальчишки.

– Леруа, ответь, – спросил Ришар, строго посмотрев на ребенка, – о чем договорились господин де Вильере и твоя тетушка?

– Не знаю... – мальчишка постарался отвернуться от полицейского.

– Врешь! – яростно воскликнул инспектор. – Отвечай!

– Нет! – мальчик решил, что идти до конца.

– Тогда я арестую тебя! – глаза Ришара наполнились бешенством.

Этого Леруа, действительно, боялся больше смерти. Накануне свадьбы несчастной сестры он мог попасть в тюрьму. Он же хотел сегодня найти Андре и, рассказав ему о предстоящем

браке Агнессы, убедить молодого человека помочь ей бежать. А если этот мальчишка попадет в тюрьму, то кто расскажет студенту о свадьбе его возлюбленной. Хотя, почему это Леруа думал, что Андре влюблен в его сестру?

Мальчишка вновь посмотрел на полицейского, чей взгляд по-прежнему пылал ненавистью и злобой. Выбора у него нет. Придется рассказать инспектору, что де Вильере намерен через три дня жениться на Агнессе. Вздохнув, он ответил:

– Господин Ришар, вы уверены, что хотите это услышать? – уточнил мальчик, подозревая, что тот тоже не равнодушен к девушке. Полицейский кивнул, ожидая ответа. – Хорошо, господин де Вильере через три дня женится на Агнессе. Слышите, этот хитрый лис хочет забрать себе мою сестру!

Эта информация буквально повергла Ришара в шок. Как Луиза только могла допустить этого? И самое главное, что по этому поводу думает Агнесса? Неужели, она и сама любит королевского прокурора, или просто продается ему? Этого просто не может быть! Она не стала бы так поступать. Как же инспектору не хочется верить в слова мальчишки, как же он надеется, что все это ложь. Мерзкая, грязная и подлая детская ложь! Но какой резон ребенку врать про свадьбу собственной сестры?

Ришар, потерявший дар речи после этой новости, молча, отпустил мальчишку, который на прощание улыбнулся сквозь грусть. Теперь все вокруг полицейского изменилось: звуки утихли, краски поблекли, и мир перестал его интересовать. Инспектор побрел в неизвестном направлении, и лишь потом заметил, что пришел к зданию суда, где служил королевский прокурор. Неужели, сам черт притащил его сюда? Или это были его собственные ноги, которые просто несли его в эту сторону?

Какая-то невидимая сила пробудила в его разуме неконтролируемый приступ ненависти. Но ненависть ли это была, и на де Вильере ли направлены были эти чувства? Скорее всего, это была ревность, которая разъедала Ришара изнутри мучительнее, чем серная кислота. А имел ли он право ревновать Агнессу, не зная, что она на самом деле чувствует к прокурору? Нет, не имел, но ничего не мог поделать с собой, с сердцем, разрывающимся от любви к этой девушке, и с разумом, неспособным остановить его мечты и желания.

Не подумав, он зашел в здание и направился к кабинету королевского прокурора. Что он сейчас скажет, если зайдет к своему непосредственному начальнику? Как объяснит то, что собирается высказать ему? Что будет с ним потом? Но, когда полицейский задавал себе эти вопросы, было уже поздно, так как он стоял под дверью кабинета де Вильере. Выхода нет, отступать – некуда. И то ли от безысходности, то ли от желания ударить что-то или кого-то, Ришар постучал в дверь. Никто не открыл. Он постучал еще раз – никто не вышел. Вскоре, устав от попыток достучаться до прокурора, инспектор решил, что тот уже ушел со службы. Но если так, то где де Вильере? У Агнессы?

Ришар, встревоженный этой мыслью, вышел из здания суда, решительно направившись в сторону дома красавицы. Почему-то он был уверен, что прокурор в данный момент находится именно у своей невесты. Проходя по площади перед собором Парижской Богоматери, инспектор случайно подслушал разговор двух женщин. Одна была высокая белокурая и молодая, а другая – низкая рыжая и практически была ровесницей своей собеседницы.

– А вы слышали, моя дорогая Роз, очень интересную новость? – прошептала светлоросая мадемуазель, боясь, что их кто-нибудь услышит.

– Что за новость, Мэри, неужто, революция началась? – с усмешкой спросила рыжая.

– Нет, – улыбаясь, произнесла блондинка, – господин де Вильере, самый завидный кавалер в Париже наконец-то решил жениться!

– Да вы что? – удивилась Роз. – А на ком?

– Это пока неизвестно, – Мэри мечтательно закатила глаза, – но ходят слухи, что наш главный прокурор уже несколько дней мучается от любви к этой девушке. Говорят, она красива.

– Это просто невозможно! – не унималась рыженькая. – Где же в Париже нашлась мегера достойная де Вильере?

– Ну, говорят, что она не из дворян...

Остальные отрывки из их разговора, Ришар не расслышал. Да и не хотел он больше слушать разговоры об Агнессе. И как можно воспринимать фразу «красива»? Она была просто прекрасна, само великолепие, украшенное невинностью! Богиня, вынужденная жить в этом жалком мире. А как они ее называли, «мегера»? Как же можно так предвзято судить о девушке, которую они ни разу не видели?

Хотя, похоже, это предвзятое мнение зависело от отношения парижан к де Вильере. Ведь в ужасном городе господин прокурор пользовался репутацией строгого, но справедливого представителя власти, чем нравился отнюдь не всем. Некоторые считали его политиком, опьяненным от власти, а кто-то – и вовсе развратником, каждый раз ищущим новую жертву своей прихоти. Что-то из этого было правдой, что-то – ложью, но даже каменное сердце де Вильере было способно любить и страдать от любви.

Размышляя над этим, инспектор дошел до дома Агнессы. Посмотрев в ее окно, он стал невольным свидетелем ужасных, на его взгляд событий; Агнесса скромно стояла, прижавшись к стене, а прокурор медленно приближался к ней. Но, как не странно, в ее глазах не было, ни страха, ни тревоги, скорее, наоборот, спокойствие и легкая заинтересованность. Неужели, девушка нормально относится к происходящему: де Вильере вот-вот прижмет ее к стене, и, вероятнее всего, попытается поцеловать.

И вот прокурор сделал последние два шага и обнял красавицу, а затем заскользил губой по ее щеке. Она лишь слабо уперлась руками в его грудь и, закрыв глаза, судорожно сглотнула. Такое поведение де Вильере на самом деле немного настораживало девушку, заставляя порою со страхом надеяться, что королевский прокурор скоро отправится обратно на службу.

Ришар почувствовал, как кровь, словно мощные потоки воды, начала бурлить в его венах. Он ощутил, что еще немного и сойдет с ума, продолжая смотреть на эту пытку красавицы. За что? Она же не игрушка, что прокурор так с ней обращается, кичась своей властью над ней. Сейчас инспектор сравнивал Агнессу с райской птицей, запертой в клетке. А некоторые птицы, если их запереть, постепенно начинают погибать. Сначала такое прекрасное создание страдает

от тоски, пожирающей ее в клетке, которая становится тюрьмой. Потом птичка утрачивает свое яркое и манящее оперение, затем ее звонкий голос становится тише, и в итоге она погибает.

Такая же участь ждала Агнессу. Она, рожденная для свободы, вскоре будет вынуждена томиться в плену власти королевского прокурора, не в силах отказать ему. О, лишь одна мысль об этом ужасе, могла повергнуть инспектора в шок! Агнесса станет вещью де Вильере, безмолвной и покладистой...

Не желая больше наблюдать за сценой, происходящей в доме девушки, Ришар направился на площадь. Он надеялся отвлечься от кошмарной мысли о скорой свадьбе красавицы, которую он считал роковым событием в своей жизни. Только довелось ему кого-то полюбить, и судьба тут же отбирает у него это счастье. Разве это справедливо? Больше жизни он любил только службу, родину и Агнессу. Девушку вот-вот выдадут за другого мужчину, родину – превратят в обитель хауса и сердце революции. И в результате, у него останется лишь служба, которой он и посвятил свои лучшие годы. Опечаленный, инспектор брел по улице, все больше погружаясь в раздумья.

А в доме Луизы, в это время де Вильере продолжал играть с Агнессой, как кот с мышкой. Он стоял, прижимая растерянную красавицу к стене, и внимательно всматривался в ее глаза. Девушка же старалась не смотреть на него, то ли от смущения, то ли от волнения. Легкий румянец заливал щеки каждый раз, когда мужчина касался ее талии и проводил рукой линию вниз, или когда его губы начинали требовательно целовать ее лицо и плечи. Но, что происходило внутри Агнессы, когда прокурор намеренно пытался испугать ее, добираясь ловкими пальцами до шнуровки голубого платья. И он получал что хотел, она в страхе слабо пыталась вырваться из его объятий, но это не получалось. Вскоре эта «маленькая игра» закончилась страстным поцелуем, и прокурор отпустил красавицу.

Она, освободившись от его ласк, отошла на небольшое расстояние, опасаясь, что это еще не конец. Мужчина повернулся к ней лицом и просто онемел; она была так прекрасна в лучах дневного солнца, ее глаза сверкали, губы алели, кожа буквально светилась, а подол тонкого голубого платья немного просвечивался, предательски выставляя напоказ ее аккуратные лодыжки и коленки. Де Вильере не мог подобрать слов, чтобы описать те чувства, что вызывала у него эта прекрасная картина. Девушка замерла на месте и, опустив глаза, принялась ожидать, когда прокурор приблизится к ней.

– Богиня... – прошептал он, делая пару шагов вперед.

Агнесса ничего не ответила, лишь глубоко вдохнула, от чего ее грудь слегка поднялась, притянув к себе внимание мужчины. Теперь он еще больше заинтересовался девушкой. Либи́до, так страстно желающее вырваться наружу, все труднее было сдерживать. В ее зеленых испуганных глазах отражался хищный взгляд де Вильере, все ближе подступавшего к ней.

– Зря пыталась убежать от меня, – страстно прошипел де Вильере, – все равно попалась бы.

– Господин прокурор! – девушка захотела обойти его, но мужчина схватил ее за локоть, притянув к себе.

– Каким же монстром ты меня считаешь? Почему сторонись? – представитель власти ласково поправил черную прядь волос, заслоняющую шею красавицы. – Поверь, бояться меня не стоит.

Он посмотрел на ее руку и впервые заметил весьма странную вещь – возле нежного локтя, словно пощечина, горел небольшой шрам, напоминающий след от глубокого пореза. Де Вильере внимательно разглядывал этот рубец, являвшийся единственным изъяном на теле девушки. Шрам, несмотря на бледность, был заметным: привлекал к себе больше внимания, чем требовалось. Королевский прокурор был немного ошеломлен, узнав, что у нее имелся небольшой отпечаток прошлого на руке.

– Откуда это? – спросил Виктор.

– Я не знаю... не помню... – она в замешательстве не могла подобрать слов, чтобы ответить.

Тонкие пальцы де Вильере вцепились в ее подбородок. Он всматривался в глаза девушки. На какое-то мгновение ему показалось, что в них переливались все краски весны: нежность пепельно-седых мартовских облаков, легкое сверкание золотистых лучей апрельского солнца и безграничное море изумрудной майской травы. Невыносимая пытка! Как мучительно осознавать, что хрустальная возможность смотреть в стеклянные от усталости глаза может разбиться. Для этого королевскому прокурору стоило только разжать ладонь и выпустить руки Агнессы. Черные ресницы в следующее мгновение накрыли полные томления очи. Она теряла интерес. Силы постепенно оставляли ее. Лишь где-то внутри девушка все никак не могла смириться с трепетом, вызванным прикосновениями мужчины.

Невозможно было видеть ее равнодушие к происходящему. Возмущение закипало в выступающих голубых венах. Желание заставить девушку вновь вырываться, кричать кружило голову. Глубокий вдох – в легкие проник теплый воздух. Трезвость рассудка вновь исчезла так же, как это происходило обычно при встрече с Агнессой. Мужчина толкнул ее на кровать. С нескрываемым удовольствием он наблюдал за реакцией красавицы. Широко распахнулись ее искрящиеся удивлением и страхом глаза, раскинулись в стороны изящные руки, подобные двум крылам.

Она едва успела ахнуть, когда де Вильере навис над ней. Впервые девушке довелось ощутить его дыхание настолько близко. Агнесса, позволяя кончику носа мужчины коснуться бархатистой щеки, не сразу почувствовала, как его крепкие руки до боли сжали ее запястья. Она приоткрыла рот, собираясь выразить слабый протест. Тут же плоские губы накрыли ее опаленные дыханием уста. Крики застыли в груди.

Виктор отстранился от нее, расправляясь с белыми шнурами корсета, срывая его. Ткань, резко стянутая вниз, прошла по нежной коже и оставила после себя почти незаметный розоватый след. Мягкими ладошками девушка пыталась прикрыть юную грудь. Она шептала что-то неразборчивое, словно в бреду. Молила прекратить. Ее сны начинали воплощаться в реальности: де Вильере ласкал ее, жадно и быстро стаскивая верх платья. Он, вновь стиснув ее руки, принялся исступленно покрывать поцелуями белоснежную кожу.

Смирившись с новым издевательством, Агнесса опомнилась и вскрикнула, когда мужчина одним движением задрал подол ее платья. Она постаралась скрестить обнаженные стройные ножки, но в ответ королевский прокурор впился ногтями в ее коленки.

– Нет... нет! Не надо! Пожалуйста! – девушка не замечала слезы, скатывающиеся по щекам. Она молила его, крики срывались с ее уст.

– Не вырывайся, дитя: тебе понравится. – Шепот Виктора раздался неожиданно. Его язык заскользил по мочке уха красавицы.

Теряя дар речи, Агнесса отрицательно качала головой. Он утыкался носом в разбросанные по подушке черные волосы. Сладкий аромат опьянял, вселял неконтролируемую похоть, вытесняя прежнюю расчетливость. Она отворачивалась, желая скрыться от пылающего страстью взора. Длинные пальцы мужчины срывали белье, безжалостно вцеплялись в девичьи бедра. Казалось, в воздухе растаял огненный дым разврата. Даже она вдыхала его. Де Вильере силой раздвинул ее ноги и устроился между ними. Он любовался ее хрупким предназначенным для первых юношеских ласк, еще не до конца созревшим для его желаний, плодом.

Виктор чувствовал судорожное дыхание красавицы, каковое обычно настигает захлебывающегося смехом сумасшедшего или жертву агонии. Стихали крики, мольбы. Гнев постепенно рассеивался. Девушка с ужасом осознавала свою беспомощность, закрывая лицо руками от стыда. Она прекращала метаться по подушке. Не было смысла ни взывать к его милости, ни проклинать. Бесполезно!

Полностью раскрытая, доступная для самых безумных прихотей королевского прокурора Агнесса лишь ждала, когда нечто, напоминающее удар молнии, пронзит ее. Время тянулось мучительно долго. Он все рассматривал ее, не спешил. Вдруг девушка ощутила прикосновение горячих пальцев к краям нежных лепестков. Мягкие подушечки круговыми движениями дразнили шелковую плоть. Зачем он делал это? Прекрасная жертва не могла понять, к чему эта сладкая пытка, рождающая трепет в груди. Она боялась представить, как преступно, неправильно все это выглядело со стороны. Коварная улыбка накрывала мужские губы, прильнувшие к обнаженному бутону. Острый кончик языка медленно обследовал нежные складочки. Тонкий запах едва выступившей влаги одурманивал де Вильере. Терпеливые ласки продолжались до тех пор, пока пушистые ресницы красавицы дрогнули. Губы приоткрылись, будто ей в какой-то момент не хватило воздуха. Он заметил, как по телу, охваченному мучительной истомой, пронеслась легкая судорога.

– Ну, моя упряmica, вижу, тебе понравилось. – Торжествующе прошептал мужчина, приподнимаясь и изучая ее накрытое шалью смущения личико.

Девушка невольно устремила взгляд на его губы, на которых блеснул ее первый сок сладострастия. Как ей хотелось отрицать это, не верить в собственную слабость. Это был лишь сон!.. Страшный кошмар! Эта надежда мгновенно гасла. Она поддавалась ему. Сотни упреков пронеслись в голове. Досада въедалась в мысли: тело предало ее. Не теряя времени, де Вильере впился в задрожавшие от возмущения уста красавицы, передавая ей солоноватый вкус. Хрупкая плоть обмякла в его жадных объятиях. Воспользовавшись этим, он осторожно, словно больше всего боялся повредить невинный плод, ввел в него указательный палец. Агнесса тут же постаралась отодвинуться от него. Одной рукой он обхватил ее талию и, не позволяя вырваться,

притянул к себе. Мужчина аккуратно ласкал изнутри ее девственный цветок. Палец иногда задевал тонкую преграду, что особо возбуждало прокурора.

Тут раздался спасительный стук в дверь, который заставил королевского прокурора остановиться.

– Господин де Вильере, – послышался голос Луизы, – вы просили напомнить вам, что через час вы должны вернуться на службу.

Он, опомнившись, отпустил девушку, позволив вырваться из его объятий. Виктор остался на месте, даже не шелохнувшись, а затем достал из кармана редингота часы. Действительно, час уже пролетел, и ему нужно было торопиться на «любимую» службу: вновь выслушивать доносы и копаться в документах.

В этот момент в комнату вошла Луиза, окинув взглядом дрожащую от волнения и испуга дочь. Красавица, поджав ножки, старалась прикрыться порванным платьем. Она не смотрела в сторону прокурора. Боялась или просто не хотела? От стыда хотелось рыдать, биться в истерике. Что-то мешало. Гордость. Желание показать этому коварному человеку, что ему не удалось еще до конца сломить ее. Хотелось спрятаться где-нибудь от сверкающих глаз Виктора...

Глава 8. Ночь перед свадьбой

Три дня пронеслись как три минуты. Три ужасных дня, которые для Агнессы стали самыми мучительными за всю жизнь. Она боялась брака, в котором, как она считала, не могло быть любви. Де Вильере приходил каждый день по несколько раз и постоянно игрался с ней, как кот с мышкой. С чего девушка взяла, что после свадьбы ее отношение к прокурору не изменится? Почему она считала, что если этот мужчина завладеет ее прекрасным телом, то он не сможет похитить ее хрупкое сердце?

Возможно, это была та самая слепота, свойственная молодым и красивым девушкам, не желающим замечать возле себя тех, кто их мало интересуется. Как слепа любовь! Она всегда связывает своими невидимыми нитями людей, из которых один любит, а другой – ненавидит. Именно так эта злодейка позабавилась над де Вильере, заставив его возжелать Агнессу. Она привила ей интерес к молодому революционеру, из-за чего образовался своеобразный треугольник, который скоро должен будет разорваться. Скоро один из углов этой фигуры просто сотрется, как рисунок карандашом на бумаге. Но кто? Обреченный на страсть к молодой красавице королевский прокурор, та самая красавица, которую судьба приговаривает к неравному браку, или будущий революционер, готовый отдать жизнь за свои убеждения? Кто-то из них должен погибнуть или от любви, или от пули.

Агнесса уже час лежала на постели, укрывшись одеялом и с тоскою рассматривая алую розу, подаренную ей де Вильере. Красивые ярко-красные лепестки горели в тусклом свете небольшой свечи, остренькие ноготки девушки едва касались зеленых листьев, будто боялись коснуться острых шипов. В дверь постучала Луиза, и красавица, растерянно двинув рукой, уколола палец шипом. Она тихо вскрикнула, посмотрев на руку, на месте ранки начала алеть кровь. В комнату тихо вошла Луиза, с сожалением глядя на дочь. Увидев, что девушка подносит к губам уколотый палец, на котором уже образовалась небольшая капелька крови, женщина слегка улыбнулась.

– Укололась? – спросила мать, присаживаясь возле Агнессы.

Девушка кивнула, вновь глядя на палец. Луиза заметила, что губы дочери покраснели от капелек крови. Красавица, будто околдованная смотрела на розу, любясь ее лепестками. Женщина вспомнила, как ее дочь, будучи маленькой девочкой, заморожено играла с новой куклой, какой чистой радостью наполнялись ее глаза! И даже сейчас она смотрела на этот обыкновенный цветок с тем же детским взглядом, наивным и стеклянным. Возможно, в этой розе была какая-то магия, заставляющая Агнессу внимательно рассматривать ее.

– Дорогая моя, – обратилась к ней Луиза, – неужели, тебе нравится только этот подарок господина де Вильере?

– Матушка, – тихо ответила красавица, – все подарки, которые за эти три дня преподнес мне господин прокурор, слишком дорогие для того, чтобы я прикасалась к ним. Все, а эта роза – самое простое, что он подарил мне.

– Неужели? – с ноткой иронии произнесла женщина.

Агнесса встала с кровати и подошла к шкафу, открыв его, достав большую, резную деревянную шкатулку. Девушка села рядом с матерью и протянула ей дорогостоящее изделие. Женщина открыла шкатулку, и комната осветилась ярким блеском алмазов, рубинов, изумрудов и сапфиров. Казалось, у самой королевы не было столько украшений. Луиза взяла ожерелье из ярко-синих сапфиров и поднесла его к шее дочери, как бы примеряя его. Стоит заметить, что девушке нравилось это украшение. Агнесса позволила матери надеть это украшение ей на шею. И как только женщина застегнула ожерелье, тонкую шею красавицы обвили дорогие сапфиры. Как же прекрасно это смотрелось – одни бриллианты украшали другой не менее дорогостоящий алмаз.

Но как же тяжелы были эти сапфиры, или это тяжесть испытывалась Агнессой не из-за веса, а из-за цены украшения. Она за всю жизнь еще ни разу не видела на столько дорогих драгоценностей. А сейчас де Вильере задаривал ее самыми лучшими бриллиантами Парижа. Хотя прокурор считал, что эта девушка – сама Афродита, явившаяся в этот мир, достойна больших подношений. Если бы де Вильере был бы королем, то даже через кровь и жестокость он бросил бы весь мир к ее ногам. Все, о чем бы она ни попросила его, прокурор сделал бы это. Даже попроси Агнесса его сброситься с крыши, позволив взамен хотя бы раз прикоснуться к ее телу, де Вильере бы сделал это, не раздумывая. Он был готов выполнять любые ее приказы, как преданный пес, стоя на задних лапках.

– Матушка, – произнесла Агнесса, – пожалуйста,ними с меня это ожерелье, оно слишком тяжелое.

– Как хочешь, дитя. Но помни, отказываться от таких подарков – глупо!

Женщина помогла девушке расстегнуть украшение и положила его обратно в шкатулку. Затем она начала копаться руками в шкатулке, по очереди доставая ювелирные изделия и, предлагая дочери их надеть. Девушка отказывалась, не желая носить столь дорогие вещи, безделушки, в которые не вкладывали самого главного – души. Красавица равнодушно смотрела на эти украшения, не видя в них никакой ценности. Агнесса легла обратно, взяв в руки розу, и медленно поднесла ее к лицу, с радостью вдыхая свежий аромат цветка.

– Девочка моя, – сказала Луиза, – ты, как эта роза, чиста и прекрасна, но ты, как и она не сможешь выжить на морозе. А этот жалкий мир – царство зимы и холода, в котором гибнут все красивые цветы. А господин де Вильере – твое единственное спасение от этой ужасной участи.

На глаза девушки навернулись слезы. Неужели, у нее нет другого выхода? Только в этот момент она Агнесса осознала, что уже завтра на нее наденут белое платье и поведут под венец. И уже следующей ночью де Вильере останется с нею один на один, добившись желанного. Как же ее ужаснула эта мысль. Мысль о том, что она уже навсегда попадет в темницу прихотей королевского прокурора. Неужели этот день настанет так скоро? Уже завтра!

Но ужаснее не то, что она скоро будет принадлежать де Вильере, а то, что ее завтра уже выдадут замуж, а она так и не встретится с Андре. Даже, если студент и не знает об этом страшном грядущем событии, то все равно он должен был найти ее и хотя бы поговорить. А он исчез! Вспомнит ли, вернется ли? Или страх молодого человека перед королевским прокурором стер память о ней? Это предположение лишь разжигало чувство безысходности в тревожной душе девушки.

– Агнесса, – Луиза поцеловала дочь в лоб, – просто смирись и прими этот брак, как свою обязанность.

Женщина вышла из комнаты, оставив красавицу одну. Девушка продолжала с грустью смотреть на розу. Что теперь станется с Андре? А обратит ли он внимание на то, что ее больше не будет рядом? А что случится со студентом, если он все-таки устроит революцию? Он же погибнет! А сможет ли хрупкое сердце Агнессы выдержать такой удар судьбы?

– Господи, за что мне это? – прошептала она, задув свечу возле кровати.

И в следующий миг, мрак непроглядным туманом окутал комнату. Девушка лежала на постели и смотрела в окно, не отрывая глаз от луны, такой красивой, бледной и таинственной. Какую загадку хранил в себе этот белый круг, свет которого небрежно освещал постель Агнессы? Теплый июньский ветер тихо проскальзывал в комнату, через открытую балконную дверь.

Как только девушка начала погружаться в сон, надеясь хотя бы на несколько мгновений забыть о де Вильере и Андре, на балконе послышался подозрительный шорох. Этот звук пробудил красавицу, заставив со страхом подпрыгнуть с кровати. Что это могло быть? Она устремила свой взгляд на балкон, пытаясь увидеть что-нибудь в темноте. Кто мог находиться там, кот или человек? Вдруг послышались крадущиеся шаги на балконе, приближающиеся к входу в спальню. Страх моментально завладел разумом Агнессы, сковав ее движения.

Лунный свет слабо падал на темную фигуру человека, который стоял возле двери, опираясь плечом о косяк. Яд испуга медленно стучал в висках красавицы, заставляя ее нервно сжимать в руках ткань одеяла. Сухой ком подступал к горлу, не давая ей закричать. Какое-то мрачное чувство охватывало тело девушки. Но, вскоре страх в сердце Агнессы исчез, осталась лишь тонкая, слабая надежда, что этот человек, кем бы он ни был, убьет ее, и тем самым спасет от брака с де Вильере. Это существо, эта пугающая тень стояла и не двигалась, а сквозь непроглядную темноту, прорезаемую светом луны, блестели светло-голубые глаза.

Призрак на балконе двинулся к кровати девушки. Неизвестный дошел до тонкой полосы, созданной луной. Он сделал шаг. Агнесса замерла в каком-то немом восхищении, радостный крик застрял в ее горле, а сердце чуть не остановилось. Перед ней стоял Андре... Его светлые волосы едва задевал холодный свет луны, голубые глаза сверкали, а на лице застыло каменное выражение лица.

– Андре, – прошептала девушка, встав с постели, – не может быть! Андре!

Она кинулась ему на шею, целуя и обнимая. Он пришел, вернулся за ней! Ее алые, дрожащие и влажные от слез губы слегка касались его щеки. Слабые руки красавицы обхватывали спину студента, а длинные пальцы медленно впускали остренькие ногти в красную ткань пиджака. Нельзя точно передать те чувства, что испытывала она в данный момент. Радость смешивалась с восторгом. Агнесса не могла поверить, что он сейчас стоит рядом с ней, и именно его дыхание задевает край ее шеи. Как крепко она прижималась к Андре, будто он был приведением и вот-вот мог испариться во мраке ночи.

– Агнесса... – Хриплый голос студента прервал тишину. – Любимая моя Агнесса!

«Любимая»! Как одно лишь это слово, сказанное Андре, могло вызывать в сердце девушки бурю эмоций? Ведь де Вильере говорил ей слова любви уже несколько дней, и ничего в ответ не следовало, ни единого ласкового взгляда, ни единой смущенной улыбки. Абсолютно ничего, лишь равнодушные вздохи и постоянные попытки сбежать или вырваться из его объятий! Разве это можно назвать справедливостью?

– Андре, – шептала она, – милый, я знала, что ты вернешься за мной! Знала, что спасешь!

– Агнесса, – ответил он, отстранившись, – я хотел поговорить по поводу того, что должно случиться завтра.

– Любовь моя, – девушка постаралась приблизиться к студенту, – ты же спасешь меня, да?

Она посмотрела ему в глаза – в них не было однозначного ответа, лишь боль. Но почему? Он пришел не для того, чтобы спасти ее. Зачем тогда он здесь? чтобы проститься? Этого не могло быть! Красавица чувствовала, как на глаза наворачивались слезы, но уже другие, в которых не было радости, а была лишь обида.

– Андре, – сказала она, – умоляю, скажи, что ты вернулся, чтобы забрать меня!

– Агнесса, я не могу оставить революцию...

Его голос охрип, и, казалось, не был услышан ею. Девушка опустила голову и посмотрела в окно: черные тучи жалко ползли по небу, заслоняя бледный свет луны. Молния, словно серебряная цепочка, блестела среди облаков. Очередной раскат грома – начался дождь, шумный, как праздник, и монотонный, как отношение студента к Агнессе. Красавица любила такую погоду: она успокаивала ее, отвлекала от дурных мыслей. Девушка вышла на балкон. Холодные капли падали на ее лицо, стекали по черным локонам, забираясь под тонкую ткань белой ночной сорочки. Как спокойно становилось на душе у нее после легкого дуновения прохладного ветра. От прикосновений ледяных капель горячая кожа Агнессы покрывалась мелкими мурашками.

Красавица не замечала, как слезинки смешивались с дождем и подали прямо на теплые губы. Она не слышала, как Андре тихими шагами подходил к ней, или просто не обращала на него внимание. Молодой человек приблизился к ней, схватив за руку. Никакой реакции в ответ, только взгляд наполненный страданием. Знал ли студент, какую боль он причинял этой девушке. И хотя, Андре привык разбивать сердца, но видеть, как разрывается от боли сердце возлюбленной, не мог. Он притянул ее к себе. Черные волосы Агнессы уже намокли, ресницы покрылись маленькими капельками дождя, напоминавшими хрусталики. Губы перестали дрожать. Теперь перед ним стояла абсолютно безмолвная девушка, осознающая, что случится, когда солнце взойдет.

– Агнесса, пойми, – Андре увел ее обратно в комнату, – я не могу бросить товарищей.

– Не можешь? – голос красавицы дрожал. – А отдать де Вильере можешь, позволить ему овладеть мной? Это ты можешь!

Студент посмотрел на нее: тонкая сорочка промокла насквозь, вплотную пристав к телу девушки, повторяя малейшие его черты, от груди до бедер. Он не мог отвести глаз от ее столь идеальной плоти, которая уже завтра будет принадлежать королевскому прокурору. Андре любил Агнессу, больше жизни любил, но не мог спасти от ужасной участи. Похоже, сама судьба решила посмеяться над этой девушкой, отомстив за красоту. Это была слишком жестокая шутка!

Агнесса стояла напротив молодого человека, даже не прикрывая грудь, которую было видно сквозь тонкую промокшую ткань сорочки. Красавица подошла к студенту и, надеясь переубедить, поцеловала его. Он положил руку на ее спину. Тепло мигом пронеслось по охладевшей от дождя нежной коже. Девушка лишь обреченно опустила голову ему на грудь, закрыла глаза, слегка покрасневшие от слез. Спустя мгновение, молодой человек произнес:

– Прошу тебя, Агнесса, забудь об этом!

– Андре... – ее голос звучал непривычно тихо, и это добавляло некую мрачность в их встречу.

– Я заберу тебя, обещаю! – сказал юноша, продолжив изучать взглядом идеальные черты ее личика. – Заберу, но только не сейчас, только не сегодня. Останься с де Вильере, дай ему то, чего он так хочет. Слышишь, Агнесса?

– Мой милый Андре!

Он смотрел ей в глаза, которые горели желанием. Неужели, это та Агнесса, которую он знал, та невинная девушка, прячущая взгляд при малейшей улыбке? Если еще пару минут назад он сомневался, что она сможет обманывать де Вильере, то сейчас это сомнение улетучилось. Андре отвел взгляд и вновь посмотрел на девушку, ничего не изменилось, ее глаза сверкали огнем.

Взгляд был прикован к ее изящным ручкам. Пара ловких движений. Пальчики быстро собирали ткань сорочки, которая в следующее мгновение оказалась на полу. Студент видел ее прекрасное обнаженное тело. Как же он хотел овладеть ею! У него наконец-то появился этот шанс. Красавица выпрямилась, гордо скинула волосы с плеч и приблизилась к нему. Он чувствовал эту преступную близость. Ощущение того, как ее нежные твердеющие от прохлады соски трутся о тонкую белую рубашку, сводило с ума. Мягкие губы коснулись подбородка Андре. Он поцеловал ее, так медленно и сладко, словно в последний раз имел возможность ласкать ее чудесный ротик.

Ее шаловливые пальчики осторожно коснулись выступающей ткани на брюках студента. Он желал ее. Девушка все настойчивее продолжала гладить его. Подобное ей хотелось проделать, когда де Вильере обнимал ее, сдерживаясь, чтобы вновь не прижать ее к кровати и задрать подол платья. Она тянулась рукой к его черным брюкам, но каждый раз что-то заставляло ее отказаться от этой затеи. Агнесса не могла найти в себе силы, чтобы прикоснуться к твердеющей мужской плоти. Теперь она осмелилась. Дыхание, тяжелое и полное вожделения, едва касалось бледной шейки:

– Ты уверена, что хочешь этого?

– Да... – она дрожала, опуская голову на его грудь. – Возьми меня! Я, действительно, хочу этого...

Студент подхватил ее на руки. Какой легкой она была! Слишком легкой. Он предполагал: девушка не ела уже несколько дней, очевидно, надеясь, что таким образом избавит себя от брака. Она была готова на любые жертвы только бы не позволить де Вильере снова притронуться к ее телу. Ей не нравилось проигрывать ему, признавать, что каждая ласка, которую прокурор дарил ей, приносила долгожданное блаженство. После того тех прикосновений его языка в тело красавицы навсегда вселилось незнакомое ей прежде желание.

Андре заботливо уложил ее на кровать, расстегивая пуговицы на рубашке. Она в ожидании развела ножки. Лунный свет, подобно молоку, разливался по ее телу. Тогда, содрогаясь от удовольствия, она мечтала, чтобы на месте де Вильере оказался студент. Он был здесь. Ей нужны были ласки молодого человека. Агнесса чувствовала: если этого не произойдет, она погибнет. Его рука легла на юный холмик. Студент прильнул к ее груди, целуя. Но могли ли эти короткие лишённые изящности ласки сравниться с тем, что вытворял с ней королевский прокурор? Красавица не могла вычеркнуть из памяти развратные действия мужчины. Невыносимый жар внизу плоского живота постепенно таял. Молодой человек холодно, без лишней подготовки, устроился между ее ног.

Агнесса вздрогнула: сейчас он ворвется в нее. Все произойдет именно так. Не будет скольжения острого языка вдоль розовых складочек. Не будет этого насмешливо-победного голоса, раздающегося где-то над ухом. Ею просто овладеют, не заботясь о ее желаниях, чувствах...

Что-то внутри студента начинало кипеть, то ли от страсти, то ли от страха. Страх? Перед кем, перед королевским прокурором? И хотя, молодой человек никого не боялся, но перед де Вильере он испытывал некое опасение. А что, если прокурор узнает о том, что он был у Агнессы? Что тогда? Представитель власти просто задушит студента собственными руками. Каким жестоким пыткам он подвергнет молодого человека? И кто тогда начнет революцию, кто поведет народ? Все-таки был на свете человек, которого боялся студент, им был – господин королевский прокурор. Именно эта мысль заставила Андре отпрянуть от девушки.

– Что ты делаешь? – тихо спросила красавица, глядя на отходящего в сторону молодого человека.

– Прости, Агнесса, – он приблизился к балкону, – но я не могу. Я не стану этого делать.

Девушка подошла к нему. Несколько минут она смотрела на него с непониманием в глазах. Что такое, почему он не сделал этого? Ведь Андре любит ее, тогда почему он не возьмет ее? Агнесса положила руку на плечо студента, пытаясь посмотреть ему в лицо, но он отворачивался, будто не желал ее видеть. Дрожь быстро пробежала по спине красавицы, холодный пот вступил на ее лбу. Что заставило его так резко измениться?

– Я не понимаю, – она все-таки посмотрела ему в лицо, – Андре, что случилось?

– Агнесса, – студент вздохнул, – я люблю тебя. Поверь, я очень сильно люблю тебя, но я не могу сделать это. Пойми, если де Вильере узнает, что я был здесь и посмел прикоснуться к тебе хотя бы пальцем, я боюсь представить, что он сделает со мной... и с тобой...

– Так ты боишься его? – изумленно спросила девушка.

– Боюсь ли я его? Ты просто не знаешь, какой это жестокий человек. Ты никогда не видела его глаз, которые горят адским огнем и буквально прожигают тебя насквозь! Ты никогда не слышала его голос, тихий, но в то же время угрожающий! Нет, Агнесса, я не хочу столкнуться с этим! Ведь я – не феникс и, если господин прокурор испепелит меня взглядом, я уже не смогу воскреснуть!

Она смотрела на него, ее зеленые глаза выражали лишь одно – разочарование. Андре – храбрый и благородный молодой революционер признался, что боится представителя власти. Мысли Агнессы перевернулись с ног на голову, а сладкий розовый сон, которым она жила наконец-то развеялся, спала пелена, заслоняющая ее взор. Теперь красавица видела перед собой другого Андре, того, который был не так уж идеален. Вспомнив, что стоит полностью обнаженной, девушка кинулась к постели, схватила одеяло и постаралась прикрыться им. Ее глаза наполнились бешенством, а дыхание сбивалось. Как он посмел, прийти к ней ночью, зная, что она любит его, и постараться воспользоваться этим! Только сейчас Агнесса поняла, что произошло несколько минут назад: она чуть не отдалась Андре, чуть не изменила де Вильере! Ее трясло от осознания этого факта.

– Агнесса, я... – Андре постарался оправдаться.

– Ты – трус! – сквозь зубы прошипела красавица. – Пошел к черту!

Студент еще пытался что-то объяснить ей, но все было четко. Агнесса со всей силы вытолкнула его из комнаты на балкон под дождь. Затем она закрыла дверь на ключ. Андре еще некоторое время стоял возле ее окна, ожидая, что девушка впустит его обратно. Но этого не произошло.

Отчаявшись, молодой человек ушел, исчез так, как и появился, незаметно, словно призрак. Агнесса упала на постель и, уткнувшись носом в подушку, постаралась сдержать отчаянно рвущиеся на свободу слезы. Как она хотела провалиться сквозь землю от стыда, как она желала повернуть время назад и не поддастся уговорам студента. Девушка сжимала в руках подушки, надеясь успокоиться. Что сейчас она испытывала? Одно можно сказать точно – ее надежды рухнули. Красавица думала, что Андре благородный и идеальный молодой человек, а он оказался самым настоящим трусом. Чего он хотел от нее? Любил ли он ее? Она сама домыслила для себя эту небывшую, в которой был злой прокурор и любящий студент! Но Агнесса ошиблась. Андре оказался ни чем не лучше де Вильере, а даже хуже. Намного хуже. Теперь в глазах девушки королевский прокурор был не таким уж и ужасным человеком. Теперь она почему-то перестала бояться предстоящей свадьбы с ним. Каким бы де Вильере не был жестоким мужчиной, он проявлял хоть какую-то заботу о ней: дарил множество драгоценностей, отдавал немалые деньги ее матери. И самое главное – он, хоть и пытался взять ее силой, но делал это с очарывающим изыском, дарил в первую очередь наслаждение ей.

Спустя время, красавица успокоилась и заснула. Завтра она уже не будет волноваться за студента. Завтра она станет госпожой де Вильере. А остальное – прах, который со временем развеется от малейшего дуновения ветра. Агнесса была уверена, что после брачной ночи с прокурором забудет об этом происшествии, как о кошмарном сне.

В этот момент в соседней комнате за столом сидела Луиза. На коленях женщины лежала белая фата, которую завтра должна надеть ее дочь. Мать слабо сжимала руками края полупрозрачной ткани, не в силах поверить в то, что уже завтра ей придется расстаться с самым дорогим человеком в ее жизни, с ее маленькой девочкой, которую она все эти годы прятала от завистливых глаз женщин и пошлых взглядов мужчин. Но как долго она надеялась скрывать красавицу от жестокого мира, основанного на разврате? Все равно ей бы пришлось рано или поздно потерять дочь, уступив судьбе. Почему матери всегда расстаются со своими детьми? Кто придумал этот подлый закон, кто обрек на страдания тысячи, миллионы матерей?

Луиза роняла соленые слезы на фату, то ли из-за печали, то ли из-за радости. Женщина, действительно, была счастлива, осознавая, что ее дочь выходит замуж, а значит, она не будет ни в чем нуждаться. Это было единственное, что радовало несчастную. Надежда, что Агнесса не уподобится ей, не падет так низко, словно луч солнца, озаряла страдающее сердце Луизы.

– Божья Матерь, благодарю тебя! – думала мать. – Если угодно тебе вытащить Агнессу из этого мрака, из этого жалкого домишки, то пусть так и будет! О, Пресвятая Мария, благодарю! Спасибо за то, что хоть ей ты даешь шанс увидеть счастье собственными глазами. Ты ведь знаешь, сколько мы с ней перетерпели, ты же видела, через что мне пришлось пойти, чтобы оградить ее от этого кошмара, в котором мы живем!

В памяти женщины начали воскресать прошлые годы, которые она так старательно пыталась забыть. Сколько боли ей причиняли эти воспоминания обо всех бедах, которые она перетерпела. Сердце Луизы медленно сжималось от каждой секунды, возрожденной в ее разуме, от каждого дня, пронесшегося мимолетным сном. Как тяжело ей было вспоминать свою прошлую жизнь, и как мучительно осознавать, что будущая будет еще ужаснее. Ведь в ней уже не будет ее дочурки.

И вот Женщина стояла возле окна и вспоминала свою юность, загубленную человеком, которого она любила и которому она доверяла. Но, Боже упаси вас подумать, что речь шла о ненависти. Нет, Луиза не таила зла на мужчину, превратившего ее тусклое существование в яркий, красочный праздник, который продлился недолго. Она не часто жалела о том, что случилось. А виновен ли был тот мужчина, что не по своей воле испортил жизнь несчастной? Несомненно, нет. Жалел ли он об этом? Несомненно, да. А вот знал ли он о том, что после любовной интрижки, спустя столько лет, у него была взрослая, красивая дочь, лишенная счастья? На этот вопрос мы постараемся ответить чуть позже. А пока, окунемся в воспоминания вместе с Луизой.

Марсель. Восемнадцать лет назад. Лазурные волны моря тихо бились о скалы, погибая от столкновений с нерушимыми камнями, последние лучи весеннего солнца прятались за горизонтом, а легкий ветер ласково поглаживал траву и листья деревьев. Небо разливалось самыми разными цветами, от бледно-розового оттенка до ярко-синего. На берегу стояла молодая счастливая девушка. Это была Луиза. Ее можно было назвать красавицей: темно-коричневые длинные волосы, заплетенные в косу, сияющие радостью глаза, здоровый, загорелый цвет кожи и коралловые пухлые губы. Если бы сейчас Агнесса увидела перед собой ту самую девушку, каковой была Луиза, она бы просто не узнала свою мать.

И вот к Луизе подошел молодой человек, старше ее всего на один год. Он был высокий, темноволосый будущий капитан корабля «Галион». Его серо-зеленые глаза околдовывали Луизу, заставляя забывать ее обо всем другом. Сердца их бились одновременно и быстро.

Время летело незаметно. Как же сильно они любили друг друга, как же часто мечтали убежать на край света, туда, где нет жестокости и бед, туда, где день длится дольше ночи.

– Луиза! – шептал моряк. – Милая Луиза, как же я скучал!

– Эдгар, – она прижалась к нему, обхватив его шею руками.

Готье был единственным смыслом жизни девушки, лишившейся семьи. Луизе пришлось жить на попечении сварливого отца, так ее мать умерла лет десять назад. Ее отец был судьей и довольно часто забывал о дочери. Но, не смотря на это, у нее был только один любимый человек, которому она отдала свое сердце – Эдгар Готье. Теперь у нее осталась только одна светлая надежда на счастье.

Подол желтого легкого платья Луизы плавно поднимался и опускался по воле ветра. Руки Эдгара все крепче обнимали ее гибкий стан. Любой поцелуй, подаренный девушке молодым человеком, дарил ни с чем несравнимые чувства удовольствия. Это и была сказка, в которой жила Луиза, та самая быль, о которой она грезилась. Но, кто мог подумать, что через несколько месяцев все изменится? Однажды, когда девушка вновь пришла к берегу моря, чтобы встретиться с моряком, он не пришел. Готье просто не явился, исчез из ее жизни... навсегда! Вот и кончилась счастливая сказка Луизы, вот и пришел конец ее грёзам.

Это было самое ужасное воспоминание для несчастной женщины. Спустя время, после исчезновения любимого, Луиза родила от него дочь. Женщина поклялась, что если когда-нибудь Агнесса влюбится, то она не позволит ей совершить такую же ошибку. Чтобы прокормить свое дитя, Луиза была вынуждена встать на путь проституции, дабы оградить свою девочку от подобной участи. Поэтому она и оберегала дочку от взглядов мужчин. А теперь все рухнет, теперь ее Агнесса будет принадлежать де Вильере.

Глава 9. Роковой день

Когда первые лучи солнца заливали светом комнату Агнессы, прогоняя оттуда мрак прошлой ночи, девушка уже сидела перед зеркалом и подводила глаза черным карандашом. Она тщательно подрисовывала тонкие черные стрелки, придавая больше выразительности своим ярко-зеленым глазам, в которых впервые в жизни потухла искра радости. Теперь красавица смотрела в свое отражение, не узнавая себя прежнюю, словно это была не она, а призрак, потерявший покой. Действительно, за прошлую ночь, Агнесса изменилась: ее взгляд утратил прежнюю живость, движения стали более скованными, а улыбку на ее лице скрыла маска печали. Она, тяжело вздыхая, расчесывала вьющиеся пряди черных волос и с неохотой представляла, как через пару минут придет мать и заставит ее надеть подвенечное платье.

Агнесса вспоминала, как вчера ночью к ней пришел Андре. Девушка вздрогнула. Неужели, она добровольно позволяла студенту загуманивать ее разум различными обещаниями? А что случилось бы, если он тогда не остановился бы и не передумал? Как бы она вела себя сегодня и где бы находилась на данный момент?

Щеки девушки залились румянцем. Стыд заставлял ее закусывать губу, когда она смотрелась в зеркало. Она не могла забыть, как еще полчаса назад, опустившись в теплую ванну, старалась забыть о прошлой ночи. Красавица старалась смыть с себя вчерашние прикосновения студента.

А что произойдет, если Андре решит опорочить ее и расскажет обо всем Луизе, или того хуже де Вильере? Что тогда? Прокурор, конечно же, откажется от свадьбы, не желая иметь какие-либо отношения с блудницей. А если де Вильере отменит женитьбу, то соответственно, и деньги, данные ее матери, он заберет обратно. И тогда они вновь будут низвергнуты в бедность, а сможет ли красавица после такого позора не пасть духом, и не пойти по стопам Луизы?

Какой подлый удар судьбы! Зачем Леруа вообще познакомил ее с Андре, ведь этим мальчишка сделал только хуже? А знал ли он, что так получится? Знал ли, что этому студенту удастся разжечь огонь любви в сердце Агнессы? Агнесса злилась сама на себя за то, что какая-то частичка ее сердца, которую не разбил студент, все так же трепетно любила его. Как мерзко – любить человека, готового обесчестить тебя в любой момент. Как глупо – ждать мужчину, который только и мечтает украсть хрупкую и наивную любовь. Но, девичьему сердцу не прикажешь...

В комнату тихо вошла Луиза. Одетая она была в темно-бардовое шелковое платье с длинными рукавами. Ее короткие волосы были распущены и разбросаны по плечам. Агнесса даже не повернулась к ней, она знала, зачем пришла ее мать. В руках женщина осторожно несла белое платье, фату, туфли и перчатки. Что же, вот они – атрибуты смерти ее детства! Девушка встала со стула и подошла к матери. В глазах Луизы было лишь одно – скорбь, она хоронила те счастливые мгновения, проведенные с дочерью. Они смотрели в глаза друг другу, не нарушая мертвой тишины, царившей в комнате. Казалось, одна прекрасно понимала, что хотела сказать другая и без помощи ненужных слов. Луиза знала, что Агнесса не хотела замуж за де Вильере, а та в свою очередь, понимала, какие фразы сочувствия была готова произнести ее мать.

– Агнесса, – женщина первой нарушила молчание, – пора. Через пару часов господин де Вильере будет ждать тебя возле Собора Парижской Богоматери.

Она положила на кровать одежду и, придерживая дочь за руку, усадила ее обратно на стул. Луиза взяла гребень и в последний раз начала расчесывать волосы своей дочери. Похоже, с годами они немного потемнели и стали совсем черными, как вороньи крылья. Мать аккуратно уложила локоны красавицы, а затем открыла шкатулку с украшениями и достала оттуда серебряную заколку, усыпанную маленькими алмазами. Вскоре эта драгоценность увенчала голову девушки, собрав под себя некоторое количество черных прядей. Остальные волосы красавицы остались лежать на ее плечах.

– Мое бедное прекрасное дитя...

Тихий голос Луизы, как порыв ветра, разносился по комнате. Затем она жестом приказала девушке встать и подойти к постели, где лежало платье. Агнесса беспрекословно выполнила приказ матери; она сбросила с плеч ночную сорочку и с неохотой начала надевать платье. Женщина наблюдала, как ее дочь, оставшись в одном белье, недовольно надевает подвенечное платье, как к ее белой груди прижимается плотная ткань бежевого корсажа. Пока еще это только корсаж, а потом это будет ребенок... Дитя ее любимой дочурки. Господи, что же ожидает эту прекрасную девушку! На несколько мгновений, Луиза представила, как красавица сидит в кресле, держа на руках младенца, жадно прижимающегося губами к ее груди.

Слезы невольно скатились по щеке женщины. Неужели, это когда-нибудь произойдет, и ее доченька станет матерью? Луиза постаралась отложить эту мысль на потом, надеясь, что это произойдет не скоро. Она подошла к Агнессе и помогла ей зашнуровать корсет платья. Затем женщина подвела дочь к зеркалу, давая той полюбоваться на себя. Действительно, роскошное белое платье из дорогой ткани идеально сидело на хрупком силуэте девушки: короткие рукава обнажали узкие плечи, корсет вплотную прилегал к телу, поднимая грудь и точно повторяя все изгибы талии красавицы, а пышный шлейф едва касался пола. В этом платье она была похожа на древнегреческую богиню любви – Афродиту. Хотя, возможно Агнесса и на самом деле являлась неким символом любви и непорочности, просто она этого не знала.

– Милая, что-то случилось, на тебе лица нет?

Луиза тревожно взглянула на дочь; действительно, ее прекрасные глаза были опущены и грустны, губы сомкнуты, а дыхание настолько тихо и незаметно, что едва можно было заметить, что девушка вообще дышит. Похоже, какая-то частичка души красавицы умерла и от этого она начала постепенно задыхаться. Ее душили оковы брака, кандалы, из которых невозможно выпутаться, цепи, которые нельзя разорвать. Что теперь делать бедной девушке, влюбленной в бессердечного человека? Как вести себя, будучи обещанной другому? С чего же Агнессе быть веселой?

– Матушка, – отозвалась она, присев на край постели.

Девушка взяла в руки фату и стала изучать шелковую белую ткань. Женщина с болью смотрела на опечаленную красавицу. Если уже сейчас, до венчания она начинает увядать, как цветок зимой на снегу, то, что же станет с ней на следующий день после свадьбы? Не может быть, чтобы ее сердце уже остановилось, должна же в нем остаться хоть капля радости!

– Девочка моя, – Луиза упала на колени, схватив дочь за руку, – прекрати уже опускать глаза в пол и тяжело вздыхать! Что случилось за эту ночь такого, из-за чего ты совсем огорчилась?

Девушка отвела взгляд. Если бы мать только знала, что случилось прошлой ночью, она бы не была так ласкова с ней. Луиза уже давно бы расхаживала из стороны в сторону, возмущенно взмахивая руками и крича на красавцу. Но рассказать об этом матери, Агнесса боялась больше, чем пойти под венец с де Вильере. А раз она боится рассказать ей о ночном пришествии, то и не стоит пытаться. Пусть это останется тайной, которую девушка вскоре забудет. Никто не узнает о том, что случилось здесь ночью, в ее комнате, никто не услышит о том, что она могла позволить сделать Андре, если, конечно же, у него хватит совести промолчать об этом. Да, если и расскажет, то после ее замужества, вряд ли кто-то поверит словам жалкого студента, пытающегося опорочить супругу королевского прокурора. На данный момент ее защитой от возможного позора был де Вильере. Почему-то красавица думала, что любящий муж скорее поверит ее словам, а не рассказам будущего революционера.

– Нет, матушка, – отвлекаясь от раздумий, ответила Агнесса, – ничего не произошло. Просто за ночь я соскучилась по господину де Вильере.

Легкая улыбка пробежала на ее прекрасном лице. Луиза сидела, шокировано смотря на дочь, не в силах поверить, что она призналась в том, что скучает по королевскому прокурору. Что это было, хитрость, вырвавшаяся из самого сердца девушки, или чистая правда, которую трудно отличить от лжи? Женщина не могла понять, на самом ли деле красавица изменила свое отношение к де Вильере, или нет.

– Серьезно? Ты скучаешь по королевскому прокурору? Но ведь вы не виделись всего сутки. – Луиза надела наголову дочери венок из бриллиантов с длинной фатой.

– Этого достаточно, чтобы вселить в меня грусть. – Девушка мило улыбнулась, заметив в зеркале, как прозрачная фата накрыла ее черные кудри.

– Агнесса, – в комнату вбежал Леруа, – пришел инспектор Ришар и потребовал позвать тебя.

– Он не сказал, что ему надо? – возмущенно спросила женщина.

Мальчишка покачал головой. Красавица, обув белые туфли на невысоком каблуке, вышла из комнаты. Одета в свадебное платье она медленно спускалась вниз по лестнице и, заметив полицейского, стоящего в дверях, остановилась. Инспектор оперлся плечом о дверной косяк, окидывая внутреннюю обстановку дома оценивающим взглядом. Глаза его казались слишком грустными, поэтому притягивали к себе больше внимания.

Вскоре Ришар посмотрел в сторону лестницы; Агнесса стояла на самой нижней ступеньке, положив руку на деревянные перила. Ее робкий взгляд был устремлен прямо на него. От того что он увидел, сердце инспектора сжалось: на лестнице, прямо перед ним стояла его несбыточная мечта, его любовь, облаченная в подвенечное платье. Ее зеленые глаза слегка выглядывали из-под прозрачной фаты, алые губы, как и раньше, напоминали лепестки роз, а черные пряди выделялись на фоне белой ткани. Ее аккуратные руки едва касались перил, и, казалось, именно в этом выражалась вся слабость ее хрупкого тела. Этот вид вызывал у инспек-

тора лишь одно чувство – душевную боль. Боль, которую он не в силах был сдержать или утаить, боль, разрывающую его сердце изнутри. Она, такая красивая и нежная, уже сегодня выйдет за другого человека! А сможет ли он признаться ей в своих чувствах сейчас, открыто? И, что она ответит на это? Согласится ли сбежать вместе с ним?

– Мадемуазель, – произнес Ришар, подойдя к ней ближе, – как же я рад вас видеть!

– Господин инспектор, – красавица сделала шаг навстречу ему, – чему обязана столь внезапным визитом?

– Обязаны... Боже упаси, у вас нет никаких обязанностей, ни предо мной, ни пред еще кем-то! – он взял ее руку и прильнул к ней губами. – Вы свободны – в этом ваше счастье, а сейчас его у вас отбирают, верно?

– Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, господин инспектор. – Она, как дитя, смотрела на него доверчивыми и непонимающими глазами.

– Я хотел поговорить с вами по поводу господина де Вильере.

Ришар смотрел на нее, не отрываясь, будто думал, что она сама знает о маленькой тайне господина прокурора. Но в чистых зеленых глазах красавицы была лишь капля несдержанного азарта, свойственного многим юным девицам. Инспектор понял, что девушка даже не слышала об ужасной тайне своего жениха. Что же, если она еще не знает об этом, то почему бы Ришару не рассказать ей о том, что совершил де Вильере двадцать лет назад.

– Мадемуазель, – любезно обратился он к Агнессе, – вы слышали когда-нибудь легенду о розе, распускающейся один раз в сто лет? – она отрицательно покачала головой. – Смысл этой легенды в том, что когда-то люди верили, мол, на свете существовал самый красивый цветок, который распускался раз в сто лет и цвел в течение года; как правило, эта роза распускалась весной, когда только первые теплые солнечные лучи касались ее ростка.

Девушка стояла рядом с инспектором и увлеченно слушала его рассказ. Ее не интересовало, откуда он знает эту легенду, больше всего она хотела знать, какие отношения история о цветке имеет к ней и де Вильере. Заметив заинтересованность в глазах красавицы, Ришар продолжил рассказ:

– Летом же алые лепестки розы полностью распускались и притягивали к себе внимание проходящих мимо людей. И хотя многие мечтали сорвать цветок, никто на это варварство не решался. Осенью золотая листва укрывала розу ярким одеялом, скрывая от посягательств ветра. Но все прекрасное в этом мире, к сожалению, не вечно, и смерть розы наступала зимой, когда первые снежинки упали на ее алые лепестки. Поначалу прекрасный цветок мирно уживался со снегом, находя его очень красивым. Но однажды, темной ночью началась сильная вьюга, и розу занесло снегом. Наутро цветок не смог выбраться из ледяной тюрьмы. Но только под слоем снега он цвел по-особенному: ярко-красные лепестки на белом фоне напоминали свежие капли крови, настолько чистые, что было трудно поверить в их скоро приближающуюся смерть. Так погибла роза, под покрывалом, созданным из того, что ей казалось безопасным...

На несколько минут инспектор замолчал. Ришар догадывался, что красавица, как и все идеальное, в этом мире долго не просуществует, ведь людская зависть и жестокость – самые

коварные явления на Земле. Человек всегда губит то, что любит, ибо это неизбежно, как заход солнца. В данном случае, девушку уничтожит мужчина, посчитавший, что забрав ее себе, сможет уберечь это хрупкое создание от неминуемой гибели. В данном случае Агнессу погубит де Вильере или его маленькая тайна.

– Послушайте, Агнесса, – решительно промолвил инспектор, – вы должны знать кое-что о вашем женихе.

– И что же? – она с любопытством смотрела ему в глаза.

– Господин де Вильере двадцать лет назад был женат на маркизе Ревекке де Гилье, но она умерла при странных обстоятельствах через год после свадьбы. Ходят слухи, что она покончила жизнь самоубийством, выпив яд. Как вы думаете, что заставило ее отважиться на столь безумный поступок, ведь ей было около девятнадцати лет?

– Вы хотите сказать, что де Вильере...

– Господин де Вильере – очень жестокий мужчина, но против закона он бы не пошел, нет. Скорее всего, он просто довел ее до этого. Чем, спросите вы? Ревностью. Господин прокурор – очень ревнивый человек. Но, надеюсь, у вас все будет по-другому. Надеюсь, я не запугал вас?

– Нет, – задумавшись, ответила девушка, – что вы?

Ришар всмотрелся в глаза девушки, теперь в них появились два новых оттенка – страх и сомнение. Что может быть хуже этих чувств, которые в отличие от других подкрадываются медленно и не заметно, а спустя время поглощают разум своей жертвы? На данный момент Агнесса являлась жертвой страха и сомнения.

– А теперь, мадемуазель, – сказал инспектор, поцеловав ее руку, – позвольте мне покинуть вас и вернуться к своим делам.

– До встречи, господин Ришар. – Ответила красавица, направляясь обратно в свою комнату.

Она сказала «до встречи»! Сердце полицейского забилося быстрее, будто во время разговора было мертво, а сейчас, эта фраза оживила его. Как, неужели, Агнесса надеется вновь увидеть его? Почему? Она заметила его тихую, подавленную, но пылкую и искреннюю любовь? Ришар вновь вернулся к жизни. Он вновь смотрел на мир, как раньше, видя его во всех красках. Но этот дар вскоре исчез, и разумом его снова завладели тоска и отчаяние. Даже, если девушка и хочет вновь с ним встретиться, даже, если и испытывает к нему хоть какие-то чувства, то это все равно ничего не решает. Ведь сегодня она станет женой де Вильере. И что тогда? Теперь пострадало не только сердце инспектора, но и душа, разорванная на мелкие клочки и превращенная в прах. Ришар, опечалено брел по улицам города.

А что чувствовала Агнесса, узнав о тайне де Вильере? Вот уже два часа она сидела в своей комнате, боясь выйти оттуда. Девушка размышляла над тем, что послужило причиной самоубийства первой жены королевского прокурора, и было ли это самоубийство? Но, больше ее волновал другой, не менее волнующий вопрос – зачем инспектор решил рассказать ей об этом. Какие у него были причины разоблачать тайну своего начальника? Ненависть, месть

или зависть? Если ненависть то, что стало ее поводом? Если месть то, что породило это ужаснейшее и прочнейшее чувство? А если зависть, то из-за чего?

Красавица ожидала, когда за ней явится мать, чтобы отвести ее в Собор Парижской Богоматери. О, Господи! Как так? Почему же Бог допускает такую пару: Агнесса и де Вильере, молодость и зрелость, невинность и развратность, свет и мрак? Они абсолютно разные, но при этом неплохо подходят друг другу: он – сильный и независимый, она – добрая и искренняя. Да, ведь способность говорить правду – самая редкая черта человеческого существа. Люди всегда обманывают, скрывая свои истинные лица под масками лицемерия и лжи. В этом и выражается глупость и жестокость человека. Агнессе же эти чувства были практически не знакомы, они еще просто не коснулись ее детского и ангельского нрава. Возможно, это и хорошо, ведь пока человек без страха и упрека может говорить правду, он сохраняет самое важное в своей жизни – душу. У Агнессы была душа, еще не опороченная и не погрязшая в грехах.

И вот в дверь постучали. Девушка встала с постели и, повернув ключ два раза,пустила мать в спальню. Решительность и уверенность в ее глазах могли сказать больше, чем сама Луиза. По спине красавицы пробежала мелкая дрожь, напоминающая уколы маленьких иголок. Что ж теперь она не сможет убежать от своей судьбы. Теперь она пойдет под венец с де Вильере и станет его супругой. Женщина взяла Агнессу за руку и вывела ее из дома. Девушка не сопротивлялась, она лишь глубоко вдыхала воздух, будто после свадьбы он перестанет наполнять ее легкие. Возле дома их ожидала роскошная карета господина прокурора.

Всю дорогу до Собора, красавица сидела, молча, лишь иногда выглядывая в окно, чтобы посмотреть, долго ли еще ехать. И вот карета прибыла. Агнесса посмотрела в окно и, увидев приближающегося прокурора, вернулась на свое место, закрыла глаза и обреченно вздохнула. Настал тот самый момент, который нельзя предотвратить. Время невозможно ни повернуть вспять, ни остановить, а, значит, и от судьбы нельзя ни убежать, ни скрыться! Жестокая шутка! Человек не может сам решать свою судьбу, он может лишь выбирать путь, по которому пойдет и рано или поздно станет жертвой своих же ошибок. Ошибки Агнессы – ее красота, ставшая проклятием, и ее кроткий нрав, превратившийся в слабость. У девушки был шанс выбрать свой путь, тем самым повлияв на судьбу, но она предпочла смириться и покориться жизни.

Королевский прокурор открыл дверцу кареты, протянув руку невесте. Ее сердце бешено забилося, как у зверушки, загнанной в ловушку. Могла ли она сейчас отказаться от любезной помощи мужчины? Нет, ибо боялась не угодить ему. Почему, какие чувства заставляли ее опасаться гнева де Вильере? Из-за чего у нее вообще появились такие страхи, неужели, разговоры с Андре и Ришаром смогли навести на красавицу испуг? Но, даже если Агнесса и боится прокурора, то это уже не имеет никакого значения. Ей придется побороть эти страхи и хотя бы на несколько мгновений улыбнуться. Девушка сморит в глаза де Вильере: бездонные и сверкающие страстью. И где-то в глубине этих серых глаз она замечает свое отражение. Красавица принимает помощь жениха и не спеша выходит из кареты, придерживая руками подол длинного белого платья.

Перед ней предстал Собор Парижской Богоматери во всей своей красоте: величественное строение, опаленное яркими золотыми лучами солнца. Агнесса устремила взгляд в небо, скованное бледно-серыми тучами, затем повернулась и посмотрела в сторону солнца, которое поглощало темные облака.

Совсем скоро светлые золотистые лучи исчезнут, будучи спрятанными от людских глаз. Точно так же и погибнет ее свобода, под тенью власти будущего супруга. Какое жуткое ощущение обреченности навевала на красавицу эта картина.

Она шла рядом с прокурором, не замечая, как он слегка сжимал ее изящную руку, притягивая себе. Неужели, он тоже волновался? Хотя, похоже, людям его профессии это было несвойственно. Как может переживать тот, у кого нет сердца?

– Ты прекрасна! – прошептал де Вильере у входа в Собор.

– Господин де Вильере...

Агнесса попыталась что-то сказать ему, но не успела; двери Нотр-Дама распахнулись и прокурор, взяв ее за руку, повел в здание. Он даже не старался затащить ее в храм, девушка сама, добровольно переступила порог церкви. Казалось, красавица сама не осознавала, что с ней происходит, что творится вокруг. Они стояли у алтаря, один из самых влиятельных мужчин Франции и одна из самых красивых девушек на Земле. Агнесса внимательно рассматривала Собор изнутри: большой просторный зал, озаряемый светом свечей, по обе стороны возвышались огромные каменные колонны, а яркие витражи бросали красочные тени на пол. Этот прекрасный вид не мог не вызывать восхищения у молодой девушки, редко посещающей церковь. Она впервые была в Соборе Парижской Богоматери.

Но Боже упаси, вас подумать, что Агнесса не являлась верующей. Ее еще юный разум и поистине невинная душа просто не нуждались в помощи религии. Ведь человек чаще всего посещает церковь только, когда погрязает в грехах. А совесть, душа и сердце девушки были чисты. И хотя, каждый рождается в грехе, но не всякий уносит это проклятие с собой в могилу. Некоторое в течение жизни окружают себя более серьезными ошибками, которые со временем затмевают все, а другие погибают, не сотворив зла. В таком случае, они отвечают за грехи родителей. Так и Агнесса, была непорочна, несмотря на то, что являлась хрустальной мечтой многих мужчин. Значит, либо ее ждала расплата за ошибки матери, либо ей только предстояло столкнуться с самым подлым и тяжелым желанием – с грехом.

Но, что в данный момент было для нее грехом? Каким она представляла это падение в пропасть, этот шаг к аду? Скорее всего, красавица считала грехом брак с де Вильере, ночь, проведенную с ним, и последующую семейную жизнь. Но, почему, как именно она могла этим союзом проложить себе дорогу в ад?

«Но, если я разделю ложе с супругом, – подумала Агнесса, – будет ли это считаться грехом? Наверное, нет. А вот, если прошлой ночью я не выгнала бы Андре то, как бы я сейчас стояла перед алтарем? Смогла бы я смотреть в глаза де Вильере?»

Скорее всего, нет. Девушка не выдержала бы такого позора. Даже сейчас красавица стояла, опустив глаза, и боялась посмотреть на жениха. Она лишь иногда бросала беглые взгляды на одеяние королевского прокурора: на черный бархатный фрак, скрытую под ним белоснежную рубашку, черную бабочку и белые перчатки. Затем Агнесса вновь посмотрела в пол, ощутив, что голова начала кружиться. Она из последних сил стояла на ногах, чувствуя, что вот-вот упадет, что скоро ее глаза закроются под тяжестью век, а тело ощутит небывалую легкость. Откуда взялись эти слабость и головокружение? Что послужило причиной их возникновения? Страх перед де Вильере или воспоминания об Андре?

Королевский прокурор, заметив, что лицо его прекрасной невесты побледнело и уподобилось мраморному изваянию, крепче сжал ее ладонь. Она даже не взглянула на него, единственным ответом стал едва слышный писк, слетевший с ее уст. Казалось, девушка находилась в том самом полуобморочном состоянии, когда человек не осознает, что с ним происходит и просто не может противостоять чему-либо. Так же и Агнесса стояла, надеясь не упасть. Но в один момент, все вокруг исчезло, скрывшись под темным занавесом мрака; перед глазами красавицы все расплылось, побледнело и, в конце концов, пропало. Девушка закрыла глаза. Последняя капля света скрылась. Дальше Агнесса уже не владела своим телом, она просто потеряла сознание. Последнее, что она ощутила – как крепкие руки прокурора подхватили ее...

Просторная спальня, залитая мраком. В этой комнате находилась Агнесса. Она лежала на огромной мягкой кровати с бордовым пологом и красными простынями. Проснувшись, девушка начала медленно озираться по сторонам, желая понять, где она: высокий потолок, темные обои, большие шкафы с книгами, камин, на котором стояли различные дорогие убранства, несколько картин на стенах и кресла, обитые бархатной тканью алого цвета. В одном из этих кресел, возле кровати, подперев голову рукой, сидел де Вильере. Мужчина внимательно смотрел на красавицу холодными, но в то же время заинтересованными глазами.

На подлокотнике кресла лежал черный фрак прокурора. Взгляд Агнессы остановился на его торсе, прикрытом наполовину расстегнутой рубашкой. Рубашка и брюки – единственное, что было на де Вильере из того, во что он был одет на церемонии. Страстное желание прижаться к его груди на несколько мгновений завладело разумом красавицы. Он, похоже, это заметил и, поднявшись с кресла, слегка улыбнулся. Де Вильере сел на край постели и вызывающе посмотрел на девушку.

Она постаралась отсесть подальше от него, но заметив, что платье расшнуровано и спадает, замерла на месте. Смущение сковало ее тело, Агнесса опустила глаза, смотря на белоснежный подол, разбросанный на алой простыне. Красавица старательно пыталась вспомнить, почему потеряла сознание. Но больше ее интересовало другое: как отреагировал де Вильере, и является ли он теперь ее супругом? Но, если она очнулась не в своей комнате, не на своей постели, значит, да. Неужели, теперь девушка осталась один на один с прокурором, и отныне ее никто не спасет от его развратных прихотей?

– Ты боишься меня? – спросил мужчина, подкрадываясь к ней, как тигр к жертве.

Агнесса не ответила, она лишь продолжила придерживать платье дрожащими от волнения руками. Похоже, страх перед действиями де Вильере по-прежнему управлял ею. Прокурор, сверкая дьявольскими глазами, приблизился к ней вплотную, проведя рукой по обнаженной спине. Нежная кожа, ощутив на себе столь ласковые прикосновения горячих рук, покрылась мелкими мурашками. Девушка закрыла глаза, надеясь, что мужчина оставит ее в покое. Но, даже не смотря на него, красавица чувствовала на себе властный взгляд, прожигающий насквозь. Она немного отстранилась от представителя власти и посмотрела в его глаза.

– Господин де Вильере, – промолвила она, – что произошло?

– Почему же так официально? – его глаза загорелись страстным огнем. – Разве, так обращаются к супругу?

– Я... – Девушка опустила глаза.

– Не надо ничего говорить! – перебил ее прокурор.

Голос Агнессы дрогнул, когда она ощутила, как крепкие руки де Вильере схватили ее талию. Она постаралась высвободиться, но это не вышло, и вскоре красавица уже лежала прижатая к кровати. Сверху над нею нависал королевский прокурор, одной рукой сжимая ее запястья над головой, а другой – медленно стаскивая с нее платье. Жалкие попытки вырваться или оттолкнуть мужчину заканчивались провалом. В следующее мгновение девушка уже лежала обнаженная, наблюдая за тем, как прокурор снимал рубашку.

– Не вырывайся! – прошипел прокурор, до боли прикусив мочку ее уха.

– Я умоляю вас... – отчаянно проговорила девушка. Она опустила глаза, вздрогнула: впервые ей довелось видеть полностью обнаженного мужчину. – Отпустите!..

Серые глаза де Вильере светились и излучали страсть, скоро пробегая по очертаниям ее стройного тела, такого невинного и прекрасного, а самое главное – полностью подчиненного его власти. Упоение, которое ощущал прокурор, нельзя было передать словами; вот, она – его хрустальная мечта, лежит не в силах сопротивляться. И теперь-то уже никто не остановит представителя власти, никто и ничто не сможет помешать ему насладиться этим юным телом. Он наклонился, коснувшись нижней губой шеи красавицы. Она лишь отвернула лицо в сторону, не желая смотреть на де Вильере. Что сейчас творилось в ее голове? Борьба между разумом и желанием вечно быть игрушкой королевского прокурора?

За окном сгущались тучи. Небо, налившееся свинцом, должно было вот-вот уронить на иссушенную солнцем землю первые капли дождя. Вода вскоре безжалостно врежется в горячий песок, смешается с пылью. Слезы природы коснутся не только крыш серых домов. Они оближут гладкую поверхность зеленых листьев.

Губы мужчины обследовали каждую частичку юного тела, язык прокладывал влажные дорожки от впадин, окружающих плоский животик, до нежного лона. Вскоре острый влажный кончик скользнул между розовых складочек. Девушка выгнулась дугой и жала в кулачках простыню. Она не могла больше сопротивляться ему. Хотелось отдаться полностью во власть охватившей ее сладкой неги, того пламени, что пылал внизу живота. Красавица откинула голову на подушку и слегка двинула бедрами навстречу жаждущим губам прокурора. Он отстранился. Усмешка. Горячее дыхание касалось нежных покрасневших от ласк лепестков. Она чувствовала, как сдержанный смех подкатывал к его горлу. Ей нравилось. Агнесса зажмурилась от смущения: невозможно было утаить от супруга удовольствие, сковавшее тело. Он знал. Довольствовался этим. Девушка едва балансировала на грани между реальностью и миром забвения. Кровь стучала в висках, бурлила в жилах. Дрожащая от возбуждения рука опустилась на голову де Вильере, пальчики спутались в темных коротких волосах. Он вернулся к игре, окинув пламенным взглядом ее крохотную покрытую блестящим соком ракушку. Язык проник в крохотную щелочку. Осторожные быстрые движения... Безумие... Первый сладострастный стон сорвался с девичьих губ.

Казалось, все стихло. Ни единого звука. Для королевского прокурора не существовало больше ничего и никого, кроме нее. Лишь ее хрустальный стон, разнесшийся эхом по комнате. Такой тихий и хрипловатый. Он все еще звенел в ушах мужчины. Де Вильере продолжил. Осколочками обрушились еще несколько несдержанных всхлипов. Он чувствовал, как трепет разносился по телу, как красавица вытянулась, как напряженная тетива лука.

Она обмякла в его руках. Прокурор приподнялся, вновь нависая над ней. Он любовался ее личиком. Пушистые ресницы задрожали, когда девушка ощутила его дыхание на своих веках. Она приоткрыла глаза и посмотрела на него. Где-то в глубине ее темных зрачков можно было заметить тень блаженства, с которым ничто не было способно сравниться. Жемчужные зубки Агнессы до сих пор стучали. Она все еще стеснялась его, но больше не отворачивалась.

– Моя сладенькая девочка! – прошептал он, наклонившись к ее уху.

Его рука поглаживала внутреннюю сторону бедра красавицы. Пальцы переместились и замерли между раскрытых складочек. Пара дразнящих круговых движений. Она закусила губу, предполагая, что за этим последует. Нетронутость ее цветка манила мужчину. Вскоре один палец погрузился в щелочку между створками влажной ракушки, а затем и второй. Плавные исследующие движения вскоре стали привычными для Агнессы. Ее ласковое шипение, больше похожее на мурлыканье котенка, пьянило прокурора. Он старался обнаружить ее самую слабую точку. Минуты сменялись одна за другой. Все-таки нашел, когда девушка резко дернулась, ощутив более сильный напор на стеночку бутона. Она хотела свести ноги, прекратить эту пытку.

– Пожалуйста, расслабься, девочка моя... – горячее дыхание опалило ее губы.

Агнесса растерянно кивнула, не теряя контакт с его глазами. Внезапно она почувствовала некое опустошение внутри. Прокурор поднес пальцы к губам, пробуя их на вкус.

Де Вильере обхватил рукой ее тонкую талию и, притягивая ближе, придавил красавицу спиной к шелковой простыне. Она тихо пискнула, ощутив, как в ее крохотную щелочку уткнулась твердая плоть мужчины. «Слишком большой, чтобы поместиться!» – пронеслось в голове. Под этим напором невозможно было не заметить, как долго он сдерживал себя, лаская все это время ее. Секунда... две... три... Горячая головка, надавив, медленно проникла в девственное лоно. Агнесса инстинктивно попыталась отпрянуть от прокурора, уперлась ладошками в его грудь. Он лишь усмехнулся. *Его* напуганная молодая жена! Она тут же убрала ладошки и умоляюще взглянула на него. Он накрыл ее нежные пальчики своими, сжимая их крепко. Склонился ниже, целуя девушку в висок. Глубокий вдох. Резкий толчок. Он вторгся в ее тесный сочный плод, разрывая хрупкую преграду. Звонкий крик прорезал тишину в спальне.

– Все хорошо, девочка моя! Все хорошо...

Мужчина коснулся губами ее бархатистых щечек, собирая скатывающиеся вниз слезинки. Он чувствовал, как кровь, подобно пламени, горела на бедра. Замер, позволяя ей привыкнуть к новым ощущениям. Стенки ее девственного естества сжимались от боли, обволакивали плоть прокурора. Де Вильере вновь качнул бедрами, вновь и вновь толкаясь в нее. Томные стоны Агнессы доставляли не меньше удовольствия, чем сопротивление сокращающихся мышц. Она выгибалась. Бусинки на ее упругой груди прижимались к горячему торсу мужчины и, с каждым новым, более сильным толчком, терлись об него. Стоны становились протяжными, тихими. Ей хотелось еще. Податливая плоть отзывалась на каждое движение.

Начинался дождь. Он барабанил в окна, напоминая о себе. Сплетение рук. Борьба двух тел, озаренная тусклым отблеском свечей. Гром за окном приглушал громкие от резких проникновений стоны Агнессы. Вспышки молнии озаряли ее ангельское лицо, покрытое румянцем блаженства. Де Вильере осторожно сжимал в руках трепещущее тело, врываясь в него последними глубокими движениями. Он остановился, изливаясь в ее жаркие недра...

Глава 10. О том, до чего доводит ревность

Дом королевского прокурора. Бледные лучи дневного солнца едва проникали в спальню, косо падая на красную подушку, на которой спала Агнесса. Копна черных кудрей свисала с подушки, а некоторые вьющиеся локоны падали на ее прекрасное лицо, закрывая его от света. Девушка спала, укрывшись алым шелковым одеялом и свернувшись клубочком. Несмотря на прошедшую ночь, пронизанную сладострастными стонами, она по-прежнему походила на невинного ангела, низвергнутого в этот мир, в качестве расплаты за свою красоту. Казалось, эта невинная красота была рождена вместе с ней. И, похоже, это был подарок самой Афродиты, которая позавидовав маленькой девочке, решила наделить ее тем страшным даром, что заставляет мужчин терять голову, погибая от всепоглощающего желания. Этим жестоким даром стала несравненная красота. Ребенку такой подарок вреда не приносил, но стоило ей только вырасти, как тут же красота стала проклятием.

Каждый человек в этой жалкой жизни платит за что-то, какие-то качества или способности, делающие его особенным. Агнесса платила за свою красоту. И брак с де Вильере был той самой расплатой. Хотя, может быть, так даже лучше для нее, ведь красивая девушка, рожденная в бедности, вряд ли стала бы счастливой, не выйди она замуж за влиятельного человека. Да и королевский прокурор был не настолько плох; богатый, сильный и не старый. Но, конечно же, у него, как и у всех людей были свои маленькие грешки и тайны, которые он предпочитал держать втайне. И все же какая-то частица сердца де Вильере не утратила способности по-настоящему любить и ревновать. Эта частичка лишь дополняла его и без того пылкий и гордый нрав.

Сейчас прокурор находился на службе, сидя в своем кабинете и перебирая различные документы. Де Вильере внимательно вчитывался в каждое предложение, а затем раскладывал бумаги по трем стопкам. Он старался сидеть со строгим лицом, выражающим прежнюю хладнокровность, но во взгляде его можно было заметить тень тревоги. Что же волновало представителя власти? На данный момент, его не сильно беспокоила служба, сейчас де Вильере думал лишь о самом дорогом сокровище в своей жизни, об Агнесе. А хотя, что могло с ней случиться, если она, вероятнее всего, еще лежит на их постели, околдованная чарами Морфея? Что может произойти?

Прокурор представил, как его молодая супруга спит, обняв подушку, черные локоны заливают солнечный свет, а в мыслях ее царит покой. Как же прекрасна она должна быть в таком виде: шелковое одеяло укрывает ее юное тело, идеально повторяя его изгибы, а ее плечо и часть спины, скорее всего, обнажены. Насколько невинной и чистой кажется эта девушка! Но, к сожалению, уже только кажется. Эта шальная мысль зацепила де Вильере. Что же он сделал: она такая слабая и беззащитная, ангел, созданный для того, чтобы им любовались, а не владели... Он же взял ее, взял силой, заставил испытывать всепоглощающее желание. Хотя, с другой стороны, она не особо и сопротивлялась ему, даже получала удовольствие.

Де Вильере опомнился, когда в дверь его кабинета постучали. Кто мог прийти, он не знал. Мужчина решил не открывать, а просто переждать, продолжив разбирать документы. Но в дверь вновь постучали. Судя по всему, кто бы это ни был, он очень сильно желал поговорить с королевским прокурором. Де Вильере, не спеша, дочитав последний документ, отложил бумагу на край стола и твердым решительным голосом произнес:

– Войдите!

– Господин де Вильере, – в кабинет вошел Ришар.

– Господин инспектор, – прокурор облегченно откинулся на спинку стула, – зачем пожаловали?

– Я хотел сообщить вам, что, по-моему, вскоре начнется восстание. Прикажите готовить к бою солдат? – Ришар продолжал говорить скоро, не смотря на человека, укравшего его мечту.

– Во-первых, это вы не ко мне обратились, господин инспектор, – де Вильере обреченно закатил глаза, – во-вторых, какое мне дело до этих студентов? Вот, когда вы их поймаете и приведете ко мне, чтобы посадить в тюрьму, тогда и приходите.

Прокурор вернулся к своему занятию. Он вновь с важным видом уткнулся в документы, показывая инспектору, что не желает больше с ним разговаривать. О чем им еще говорить? Не о чем. А де Вильере и так с самого утра ходил, думая только об одном – о супруге, об этом нежном цветке, обреченном на медленную и мучительную смерть. А тут еще и Ришар со своими студентами, которые, как считал прокурор, не имели никакого отношения к его Агнессе. Заметив, что инспектор стоит возле его стола и не уходит, представитель власти грозно поднял взгляд, не понимая, почему тот еще здесь. Полицейский опустил глаза и собрался уже уйти, когда вспомнил, что еще вчера, съдаемый тоскою, слоняясь по улицам Парижа, услышал, что один из студентов был заинтересован в Агнессе и даже посетил ее за ночь до свадьбы. Эту новость он и хотел рассказать королевскому прокурору.

– Господин де Вильере, – вновь обратился Ришар к нему, – есть еще одна новость, она касается вашей супруги...

Это фаза молнией ударила представителя власти. Что мог знать Ришар о его Агнессе, о его единственном смысле жизни? Сердце мужчины начало биться сильнее, будто желало выскочить из груди. Прокурор буквально подскочил со стула, отложив все документы в сторону. Он подошел к инспектору почти вплотную и посмотрел ему прямо в глаза. Этот холодный, пронзающий насквозь, взгляд де Вильере знали многие преступники, которые хотя бы раз сидели в этом кабинете. Они запоминали эти серые, словно высеченные из льда, глаза. И сейчас с этим гипнотическим взглядом встретился Ришар. Недолго думая, прокурор спросил:

– Что же, господин инспектор, – он положил руку на плечо полицейского, – вам известно о моей жене?

– Господин де Вильере, – Ришар тяжело вздохнул, – один из этих студентов положил глаз на нее.

В этот момент что-то внутри королевского прокурора до боли сжалось, какая-то частичка его сердца, излучающая добро, наполнилась ненавистью и злобой. Как, какой-то там студент, жалкий червь по сравнению с ним, посмел взглянуть на его бесценное сокровище? Ревность – вот проклятие де Вильере, вот его беда. Обладая страстным характером, королевский прокурор имел привычку разрушать и губить все, что любил больше всего на свете. Именно так и умерла его несчастная первая жена, ставшая жертвой его ревности. Де Вильере жестом предложил полицейскому сесть на диван, тот согласился.

– И, как же зовут этого смелого студента? – мрачным тоном спросил представитель власти.

– Андре, господин де Вильере, он является предводителем студентов. – Не задумываясь, ответил Ришар.

– Приведите его ко мне завтра! – ледяным голосом произнес прокурор. – Сейчас я отправляюсь домой, а завтра вы притащите мне это ничтожество. Можете избить, но не до смерти, это я возьму на себя.

Мрачно ухмыляясь, де Вильере вывел Ришар из кабинета и закрыл дверь на ключ. Потом он быстрым шагом направился к выходу, не желая слушать других слов инспектора. Королевский прокурор, конечно же, знал, что даже если его супруга и когда-то общалась с этим студентом, то не подпускала его к себе. Ибо в невинности красавицы он был убежден на все сто процентов.

Темно-серое небо постепенно поглощали свинцовые тучи. Молнии тонкими лентами извивались на фоне облаков. Сейчас де Вильере желал лишь одного – сесть в свою карету, приехать домой и вновь встретиться с Агнессой. Какое-то неистовое желание доказать, что она принадлежит только ему, захватило разум мужчины. Он хотел снова почувствовать себя властелином ее тела, души и самое главное – мыслей, таящих в себе много воспоминаний о том, что так интересовало его. И не меньше прокурор желал услышать ее звонкие сладострастные стоны, наполненные безумным желанием и трепетным удовольствием.

Тем временем Агнесса проснулась. Взмолнованно она осмотрелась по сторонам: все вокруг свидетельствовало о том, что теперь она – госпожа де Вильере. Девушка попыталась сесть на край постели, но почувствовав сильную боль внизу живота, легла обратно, прикрывая руками лицо. Красавица желала прикрыть стыд, заливающий краской ее щеки, и стереть слезы, падавшие на шелковую ткань. Неужели, это произошло, и господин де Вильере вчера взял ее? Тело до сих пор помнило его ласки, поцелуи, прикосновения и, похоже, желало ощутить их вновь.

Девушка смотрела в потолок изумрудными глазами, в которых отражалась пустота. Даже в хрустальных слезинках не было ничего, кроме душевной боли. Агнесса не знала, что ей сейчас делать, как вести себя: быть покорной игрушкой или искренне любящей супругой? А смогла бы красавица полюбить королевского прокурора, или, может быть, она уже любила его? Нет, ее сердце не питало любви к этому жестокому мужчине. А, почему же тогда вчера ночью, она поддавалась ему, позволяя управлять собой? Что в тот момент повелевало ей? Скорее всего, то была не любовь, а другое, более пламенное и греховное чувство – сладострастие, похоть, или просто – безумное желание узнать, что такое брак, почувствовать жар объятий супруга. И теперь для девушки это желание было превыше всех остальных; она уже не думала ни о несчастной матери, ни о бедном Леруа, ни о любимом Андре. Отныне ее единственной страстью и мечтой стал де Вильере.

Агнесса слегка поднялась на локтях, упершись в мягкие шелковые подушки. Она вновь пробежала глазами по комнате, большая часть спальни была выполнена в огненных цветах: ярко-красные шторы, скрывающие вялый солнечный свет, стены бордового цвета, мебель из красного дерева, картины, в которых преобладали золотистые тона, огромный алый полог

над кроватью, одеяло, простыни и подушки такого же цвета. Единственное, что выделялось среди этих ярких красок – серебристое платье, лежавшее на спинке кресла. Оно блестело, когда слабые солнечные лучи едва касались его. Сомнений у красавицы не возникло, это, точно, был подарок де Вильере.

Она вновь постаралась встать, на этот раз у нее получилось. Агнесса медленными, хромыми шагами подошла к платью, желая лучше рассмотреть его; дорогая серебристая ткань была усыпана мелкими бриллиантами, напоминающими капельки дождя, а рядом с ними, изящными линиями извивался узор черного цвета. Но в этом элементе одежды были и части, к которым девушка не привыкла: длинные узкие рукава, тугий корсет и небольшой вырез на груди в виде сердца. Несмотря на незначительные мелочи, красавица решила надеть это платье. Преодолев боль, она даже сумела зашнуровать корсет. Затем Агнесса подошла к зеркалу – платье сидело идеально, корсаж превосходно повторял все изгибы ее тонкого стана, а пышный подол лишь делал силуэт красавицы более хрупким.

Девушка не пожелала долго оставаться в спальне, в которой все напоминало о событиях прошлой ночи. Она нерешительно направилась в сторону двери, не зная, куда та ведет. Красавица не боялась выйти из комнаты, при этом даже не предполагая, на каком этаже дома она находится. Агнессе повернула ручку двери, та поддалась и открылась. Молодая графиня вышла из спальни и побрела вдоль темного узкого коридора, которому, казалось, не было конца. На стенах висели огромные пейзажи и портреты с изображением незнакомых девушке людей. Но, как будто по воле какой-то невиданной силы, она остановилась возле одной картины, привлечшей ее внимание. То был портрет де Вильере: он стоял возле стола, одной рукой он опирался на край стола, а в другой держал белые перчатки. Лицо его, как и всегда было строгое, в глазах его сверкало правосудие.

Агнесса сделала еще пару шагов, остановившись у второй картины. На этот раз перед ее взором появился портрет женщины, даже, можно сказать, девушки, которой на вид было не больше двадцати: белые волосы обрамляли бледное лицо, серо-голубые стеклянные глаза, маленький острый носик и алые губы, выделяющиеся на светлой коже, будто капли крови на снегу. Кровь, теперь это слово пугало красавицу, от малейшего воспоминания о нем, по спине графини пробегали мурашки, напоминающие уколы тысячи мельчайших иголок. Она продолжала смотреть на картину; вокруг девушки не было ничего, кроме светло-серого тумана, размывающего контуры подола легкого белоснежного платья. Какие-то мрачные чувства вызвала у Агнессы эта картина, то ли из-за большого преобладания белого цвета, то ли из-за печального выражения лица девушки, опустившей голову вниз и смотрящей в пол. Что же именно в этой картине напугало молодую графиню? Скорее всего, глаза девушки, чистые серо-голубые, почти белые и как-то по-своему мертвые. Наверное, у любого, кто посмотрел бы в эти глаза, в сердце поселилось бы мрачное и таинственное тишины, тревоги и страха. И все же, в этом призраке с картины было что-то притягивающее, что-то близкое...

Красавица прошла дальше по коридору, надеясь выкинуть из памяти этот зловещий образ белокурой леди с картины. Но теперь, когда девушка шла, надеясь найти выход на улицу, она уже не могла не оглядываться, боясь, что за ней кто-то следует. Теперь она чувствовала этот мертвый взгляд на своей спине. Молодая графиня хотела поскорее выйти из этого дома, отдышаться на улице и просто побыть одной, за пределами мрачной усадьбы королевского прокурора. Она спустилась по лестнице и вскоре вышла в огромный сад.

Казалось, это было единственное место в имении де Вильере, где царил покой, и солнечный свет переливался яркими красками. Девушка села на скамейку, возле клумбы из белых роз и небольшого золотого фонтана. Зелень деревьев приятно успокаивала зрение, а звонкое пение соловья, словно музыка, ласкало слух. Агнесса невольно представила, что стало бы, если эту прекрасную птицу посадили бы в клетку. Что же случилось бы? Ответ прост – соловей бы погиб. На глаза графини навернулись слезы, они скатывались по ее щекам и падали на серебристый подол, повторяя блеск черных узоров. В этих слезинках не было боли, нет, в них была лишь обреченность, что, возможно было хуже. Ведь, когда человек чувствует боль, он еще имеет желание и силы бороться, а, когда его разум охватывает обреченность – шансов на спасение не остается. Теперь жизнь Агнессы превратилась в ужасное заключение в клетке, из которой невозможно вырваться. Отныне ее свобода была заключена в плен страсти королевского прокурора.

– Боже, – тихо шептала девушка, – почему я хочу вновь прижаться к нему?

Она, действительно, жаждала почувствовать его ласки и поцелуи. Разве, это нельзя было назвать любовью? Скорее всего, нет, ведь чувства те были вызваны не чистой и непорочной привязанностью и мечтой быть рядом, а развратными фантазиями. Этот самый разврат вырывался из самого сердца красавицы, вынуждая ее желать де Вильере. Стоило ей только раз узнать, что такое любовь, какова она на самом деле. Агнесса хотела повторить прошлую ночь.

Это и доказывало, что в мире есть чувства, познав которые, человек до конца дней живет лишь мечтой вновь ощутить их. С одной стороны – это вполне нормальное явление, обусловленное обычными потребностями, свойственными молодой девушке, а с другой – слабость, которая со временем может превратиться в болезнь. С одной стороны – это сладкий яд, приторно отравляющий жизнь, а с другой – горькая шутка судьбы, итог которой уже просчитан.

Агнесса сидела на скамейке в саду, чувствуя на себе любопытные взгляды слуг, смотрящих на нее из окон. Любопытство – самый распространенный из всех грехов, он свойственен каждому человеку, и богатому, и бедному, и умному, и глупому. Почему они смотрели на нее? Что они понимали? Слуги попросту не знали, что чувствовала эта несчастная девушка. Имели ли тогда они право осуждать ее или же сочувствовать ей? Нет, ибо, когда человек не может представить, как страдает другой, он не способен по-настоящему, искренне сопереживать ему. Осуждать, тоже не могли, хоть девушка и была морально раздавлена и являлась лишь предметом вождения королевского прокурора, но все равно она оставалась их госпожой.

Начался сильный ветер, зацепивший своим порывом черные локоны красавицы. Но, казалось, сама природа не собиралась останавливаться на этом, и уже через пару минут небо содрогнулось от грохота грома. Капли дождя одна за другой упали на землю, наполнив ее живой влагой. Серое небо резкими движениями шпаги прорезала серебряная молния. Ветер не усмирился и вновь начал сметать все легкое на своем пути, привередливо играя с листьями деревьев. Девушка продолжала сидеть на скамейке, почти не замечая, как дождь касался ее, оставляя влажные пятнышки на серебристой ткани платья. Холодные капли падали на лицо красавицы, отрезвляя и возвращая к реальности.

К Агнессе подошла служанка, держа в руках черный зонт. Это была женщина невысокого роста, худая, в возрасте около сорока лет. В ее темно-русых, заплетенных волосах уже проступала старческая седина, темно-янтарные глаза светились добротой, а на лице виднелись мел-

кие морщинки. Она осторожно приблизилась к молодой графине, держа над ее головой зонт. Похоже, красавица даже не заметила присутствия служанки, она только продолжила сидеть, опустив глаза и с печалью посмотрев в подол платья.

– Госпожа, если вы не зайдете в дом, то простудитесь, а господину де Вильере это не понравится. – Ласково обратилась к ней женщина.

– Де Вильере... – прошептала девушка.

Эта фамилия эхом звучала в сознании Агнессы, вызывая в нем самые различные эмоции: от будоражащего кровь волнения до сжигающей в пепел страсти. Как этот мужчина смог совратить прекрасное невинное создание, чем он сумел околдовать молодую супругу, возжелавшую его? Внутри душа красавицы сгорала от любви к королевскому прокурору, а снаружи ее скованность в движениях высказывала к этому человеку лишь хладнокровность. Как молодая девушка, вкусив запретный плод страсти, могла бороться с непреодолимым желанием? Она не замечала, что с каждой минутой становилась заложницей некоего влечения, буквально захватившего ее разум.

Красавица не заметила, как в широких резных воротах сада появился де Вильере: глаза его по-прежнему были наполнены тревогой, свойственной обычным людям. Он тихими кошачьими шагами приблизился к супруге, желая поговорить с ней. Служанка отошла в сторону и, передав зонт королевскому прокурору, направилась в сторону дома. Оставшись наедине с Агнессой, мужчина присел рядом с красавицей. Девушка даже не посмотрела на него, ибо один только властный взгляд мужа завораживал ее, мешая думать о чем-то другом. Прокурор продолжил пристально смотреть на Агнессу, будто пред ним сидела не столь желанная супруга, а прекрасный призрак, который вот-вот может исчезнуть. Действительно, в свете мрачно-серого неба графиня де Корлин казалась слишком бледной, что и вправду могла сойти за приведение. Но даже сейчас, молчаливая и опечаленная, она была самой красивой на свете: бледная кожа прекрасно сочеталась с черными локонами, длинные ресницы слегка дрожали при каждом вздохе, изумрудные глаза казались бездонными, а алые губы из-за отсутствия солнечного света казались бордовыми. Даже, когда красота девушки утратила прежнее целомудрие, в ней осталось что-то безумно манящее, заставляющее прокурора с интересом и бесконечной любовью смотреть на нее.

Вскоре одна рука де Вильере уже лежала на коленях Агнессы, нетерпеливо сжимая серебристый подол платья. Он смотрел на красавицу, ожидая, когда она повернется к нему и скажет хотя бы слово, неважно какое, лишь бы заговорила. Мужчина очень хотел услышать мягкий голос супруги, вновь с упоением вслушавшись в его сладкие нотки, не замечая смысла произнесенных ею фраз. Какая странная манера бывает у человека, если он обращает внимание на то, что ему больше нравится, но не на то, что играет более важную роль. Человек всегда стремится завладеть тем, что радует глаз, не замечая, что при этом он и губит эту прелесть. Подобная ужасная черта была свойственна де Вильере, ибо он, как любой другой мужчина стремился владеть тем, что любил, даже если это стоило ему многого.

Агнесса, почувствовав, как горячая ладонь мужчины медленно сжимала шелковую ткань платья, замерла, боясь что-либо возразить. Да и что она могла сделать? Страстное желание отдаться той невиданной силе, что заставляла ее трепетать, чувствуя на себе взгляд де Вильере, все сильнее сжимало сердце девушки, возрождая в ее разуме сцены прошлой ночи. Она боялась признаться себе в том, что с нетерпением ждала того момента, когда королевский проку-

пор бросит зонт в сторону и накинется на нее. Вместо этого, мужчина, наклонив голову, слегка коснулся сухими губами нежной щеки супруги. Не в силах сопротивляться собственным желаниям, красавица впилась в губы де Вильере решительным поцелуем. Не ожидавший такого поворота событий, королевский прокурор выронил зонт, обхватив обеими руками хрупкий стан молодой жены. Приторный вкус молодых губ пьянил мужчину, словно крепкое марсельское вино.

Холодные капли дождя осторожно падали на их лица, скатываясь вниз и пропадая в глубине пылкого поцелуя. Но, ни де Вильере, ни Агнесса не обращали внимания на эту мелочь, сейчас они оба были поглощены огнем безумной страсти. Крепкие руки мужчины медленно скользили по тонкой талии красавицы, сжимая ткань корсажа. Как же давно он мечтал о взаимных чувствах со стороны девушки, ставшей его одержимостью, его смыслом жизни. А теперь, когда Агнесса сама сделала первый шаг, поцеловав королевского прокурора, испытывала ли она к нему любовь или по-прежнему лишь плотское влечение? Что-то же подвигло ее на этот безрассудный поступок? Похоже, что-то напоминающее любовь все же горело в сердце красавицы, но по сравнению с ее отношением к Андре это чувство было не настолько сильным. Воспоминания Агнессы о студенте мгновенно исчезли, когда де Вильере отстранился от ее губ, встал со скамейки и, протянув ей руку, прошептал:

– Мадам, если вы собираетесь заболеть и умереть, то зря. Я без вас не смогу...

– Вы так любите меня?

Она ласково улыбнулась, ответив на фразу супруга, выражающую столько заботы, что сердце ее забило сильнее. Девушка приняла помощь королевского прокурора, но он притянул ее к себе, а затем подхватил на руки. Красавица смущенно опустила глаза и, случайно встретившись с взглядом мужа, замерла в каком-то завораживающем ожидании. Де Вильере аккуратно отнес ее в дом, как некую драгоценность. Ее легкое тело казалось ему невесомым, словно пушинка. Агнесса прижималась к мужчине, обхватывая его шею руками и ежась от холодных капель, спадавших с ее черных волос. Ожидание какого-либо рода разговора с супругом, как отравы, убивало девушку, превращая ее в узницу этой ничтожно мелкой мысли.

Но кое-что заставило красавицу встревожиться, когда де Вильере нес ее мимо картин, она не заметила той самой, мрачной с изображением белокурой незнакомки. На месте той картины было пустое место, стена и больше ничего. Неужели, ей это привиделось? Нет, такого просто не могло произойти, скорее всего, кто-то уже снял это мрачное произведение искусства и спрятал где-то. Зачем? И какие еще тайны хранил огромный дом королевского прокурора? Несмотря на то, что Агнесса впервые увидела ту картину, глаза девушки настолько запомнились ей, что она и сейчас видела их перед собой, белые, мрачные и такие холодные. Красавица закрыла глаза, как маленькая девочка, испугавшаяся чего-то, когда она вновь открыла глаза – мертвый взгляд дамы с картины исчез...

Вскоре де Вильере принес ее в спальню; комната по-прежнему переливалась всевозможными оттенками красного цвета. Он опустил ее возле двери и, упершись обеими руками в стену, отрезал ей путь к отступлению. Прокурор всматривался в лицо девушки, желая найти в ее глазах ответы на свои вопросы. Являлось ли правдой то, что рассказал ему Ришар, правда ли, что какой-то жалкий студент посмел хотя бы подумать о *его* супруге? Или это ложь. В таком случае, зачем инспектору лгать? Де Вильере смотрел в ее глаза, чистые, поистине удивленные и несколько напуганные таким поведением мужа. Заметив некий страх, мужчина

ласково провел рукой линию от ее щеки до груди, надеясь унять это волнение. Он не хотел напугать ее и уж тем более причинить ей боль.

Королевский прокурор обнял девушку за талию, прижав к себе так сильно, будто боялся потерять ее. Горячее дыхание мужчины уже обжигало ее нежную кожу на шее и груди. Она стояла, стараясь хоть немного отстраниться от мужа, дабы вдохнуть хоть глоток воздуха. Щеки Агнессы залились краской, когда она почувствовала пламенные поцелуи прокурора на своих губах. Она посмотрела в его серые, обезумевшие от страсти глаза и, увидев в них свое отражение, стала надеяться, что время вот-вот остановится и эти мгновения, проведенные с мужем, продлятся вечно. Красавица начала расстегивать пуговицы черного редингота, но королевского прокурора был на этот счет свой особый план.

– Скажи, – прошептал мужчина, склонившись к ее уху, – кто такой Андре?

Глаза Агнессы округлились... Сердце замерло. По телу пробежала жуткая дрожь. Откуда де Вильере узнал о студенте, и самое ужасное – слышал ли он о том, что тот предлагал ей ночью перед их свадьбой? Ее лицо побледнело, страх прочной цепью сковал движения, а все мысли смешались в один клубок. Что ей ответить мужу, как оправдаться перед ним и как вымолить его прощение? Красавица продолжала уверенно смотреть в глаза супруга, постепенно наполняющиеся строгостью. Она еще старалась скрыть свой страх, но, казалось, де Вильере видел ее насквозь и прекрасно знал ответ на свой вопрос. Так зачем же он пытал ее, за что пытался надавить своим ревностным взглядом? Девушка знала, что если это молчание продлится еще хотя бы пару минут, она точно сойдет с ума и, упав на колени пред мужчиной, сознается во всем, что произошло тогда.

– Андре? – переспросила молодая графиня. – Это... это мой знакомый...

«Знакомый». Что же еще она могла ответить? Стальные глаза де Вильере загорелись каким-то страшным огнем бешенства, которое вот-вот могло вырваться наружу. Похоже, в этот самый момент исчезла та самая тонкая грань, что разделяла две стороны королевского прокурора, теперь и добро, и зло, доселе разделенные в его разуме, смешались воедино и начали борьбу. С одной стороны была его любимая, нежная и беззащитная Агнесса, за которую он был готов отдать жизнь, а с другой – дьявольская ревность, готовая уничтожить все на своем пути. Де Вильере ощущал, что если сейчас не сможет подавить этот зверский порыв, то просто задушит супругу, как Отелло задушил свою Дездемону. Он чувствовал, как его рука сама потянулась к ее горлу, желая лишить жизни. И вот уже цепкие пальцы осторожно сжали хрупкое горло девушки, заставив ее испуганно прохрипеть.

– Я могу верить в то, что между вами ничего не было? – яростно прошипел представитель власти.

– Да, – задыхаясь, ответила красавица.

Он отпустил ее, отошел на пару шагов и обессилено рухнул в кресло, подперев рукой голову. Агнесса не узнавала в этом озлобленном человеке супруга, который еще прошлой ночью был готов продать ради нее душу дьяволу. Это был не тот де Вильере, в которого она только начала влюбляться. Это был совсем другой мужчина, готовый убить ее за измену, которой даже не было. Сейчас этот демон, захвативший разум ее мужа, постепенно исчезал, давая тому осознать, что он только что сделал. Прокурор только сейчас понял, что чуть не сотворил.

Он чуть не убил Агнессу, свой единственный смысл жизни! Де Вильере поднялся с кресла и крадущимися шагами приблизился к девушке. Она, испугавшись, что он ударит ее, прижалась к стене, глазами ища места, где можно было бы спрятаться. Но мужчина вместо этого упал на колени перед ней, прижавшись щекой к шершавому корсету шелкового платья, согреваемому его теплым дыханием. Руки обхватили талию девушки, притянув ее ближе. Представитель власти прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.